М. И. Бубновскій.

914
Б70
1170

Контуръ Архангельской Карелiи.

АРХАНГЕЛЬСКЪ.
Губернская Типографія.
1914.

ПРОВЕРЕНА
1952 г.

Акт № 2

Проверено-56 г.

ПРОВЕРЕНА-58

Проверено-85

Индекс	М1.2
Авторский знак	3-5.90-К

Возвратите книгу не позже указанного здесь срока

Тип. Военмориздата. Зак. 1453—150000

М. И. Бубновскій.

Контуръ Архангельской Карелiи.

74417

АРХАНГЕЛЬСКЪ.
Губернская Типографiя.
1914.

Контуръ Архангельской Карелiи.

Возникновеніе интереса къ Карелiи.

Нѣсколько столѣтій прошло съ тѣхъ поръ, какъ историческая волна прибила Карелію къ русскому берегу.

Случилось такъ, что одна часть Карелiи вошла въ составъ губ. Олонецкой, другая—Архангельской. До 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія обѣ Карелiи находились въ одинаковомъ первобытномъ состояніи. Опекуны гражданъ Русской Имперіи не только не позаботились привить краю культуру, но, повидимому, совсѣмъ позабыли его. Съ 70-хъ годовъ положеніе дѣлъ измѣнилось. Дарованное Императоромъ Александромъ II земство Россіи распространилось также и на Карелію, но, къ сожалѣнію, не на всю, а только на „Олонецкую". Архангельская Карелія и вмѣстѣ съ нею вся Архангельская губ. попрежнему остались на попеченіи чиновниковъ. Результатъ не замедлилъ сказаться. Въ настоящее время Олонецкая Карелія, благодаря земству, имѣетъ хорошія трактовыя и проселочныя дороги, больницы, фельдшерскіе, акушерскіе и ветеринарные пункты, много благоустроенныхъ школъ, агронома и т. д., однимъ словомъ, Олонецкая Карелія развивается и процвѣтаетъ, между тѣмъ Архангельская Карелія находится въ томъ же болотномъ состояніи, что и въ сѣдую старину. Колесныхъ дорогъ въ Архангельской Карелiи нѣтъ. населеніе употребляетъ для различнаго рода записей, вмѣсто бумаги, палку, вмѣсто пера и карандаша, топоръ и ножикъ, вмѣсто словъ, клейма, лѣчится населеніе все однимъ и тѣмъ же традиціоннымъ способомъ: или хвощется вѣникомъ въ жарко истопленной банѣ, или пьетъ нашептанную колдунами воду, а если эти два средства не помогаютъ,—больные карелы молятся Богу и уже послѣ этого идутъ къ фельдшеру, приговаривая: „бывать хуже не будетъ". О благосостояніи Архангельскихъ карелъ говорить также не приходится. Несмотря на то, что карелы круглый годъ работаютъ отъ зари до зари, зажиточныхъ среди нихъ немного—громадное большинство карелъ—бѣдняки, находящіеся постоянно въ долгу то у поморовъ-рыбопромышленниковъ, то у лѣсопромышленниковъ.

Покорно и молча переносили архангельскіе карелы свою горькую судьбу на протяженіи многихъ лѣтъ, не надѣясь, что о нихъ кто-либо позаботится. Не думали карелы въ 1907 году, что въ жизни ихъ наступаетъ желанный просвѣтъ.

Но свершилось чудо.

Въ одинъ прекрасный день вокругъ забытаго, безграмотнаго, больного, голоднаго, измученнаго „дитяти" оказалось сразу, какъ говорится, семь нянекъ.

Чудо совершилъ господинъ случай.

Въ 1906—7 году подъ вліяніемъ событій знаменитаго въ исторіи Россіи 1905 года въ нѣкоторыхъ финскихъ журналахъ и газетахъ, въ

частности въ „Карельскихъ разговорахъ“; было напечатано нѣсколько статей съ призывомъ идти на помощь къ братьямъ-кареламъ, блуждающимъ въ тьмѣ культурнаго и религіознаго невѣжества. Одна изъ финскихъ газетъ, между прочимъ, говорила: „карелы ввѣрены намъ, мы ихъ ближніе, какой другой народъ обязанъ послать къ нимъ евангелистовъ, какъ не мы—ихъ родное племя. Да, воистину будетъ стыдно намъ, если другіе, а не мы, финны, отправимся съ проповѣдію въ Карелію“.

Призывъ финской печати не оказался тщетнымъ—проповѣдники нашлись—и, несомнѣнно, имѣлъ бы крупныя реальныя послѣдствія, если бы не то сильное противодѣйствіе, не тотъ дружный отпоръ, который проявило при содѣйствіи гражданскихъ властей и полиціи православное карельское духовенство.

Духовенство Карелiи устами своего вождя прот. В. А. Смирнова—заявило: „Не финнамъ, а намъ русскимъ исторія ввѣрила бѣломорскихъ карелъ. Мы, русскіе, ихъ ближніе. Какой народъ, если не мы, русскіе, должны позаботиться о карелахъ, чтобы удержать ихъ въ нѣдрахъ православной церкви и въ подданствѣ русскому православному Царю. Будемъ ли стоять праздными, когда видимъ угрожающую имъ опасность со стороны финляндцевъ“.

Для борьбы съ финскимъ вліяніемъ первоначально 26 декабря 1907 года было открыто въ г. Кеми „Отдѣленіе Финляндскаго Православно-Карельскаго Братства во имя великом. Георгія Побѣдоносца“ съ нѣсколько измѣненнымъ уставомъ, приноровленнымъ къ мѣстнымъ условіямъ. Св. Cунодъ не призналъ желательнымъ „Кемское О. Ф. П. К. Бр...“ и преложилъ основать для Архангельской Карелiи особое самостоятельное братство. Открытіе самостоятельнаго братства состоялось въ присутствіи епископа Іоанникія и губернатора И. В. Сосновскаго 17-го февраля 1908 года въ г. Архангельскѣ подъ именемъ „Архангельскаго Пр. Кар. Братства во имя св. Архангела Михаила“. „Кемское Отдѣленіе Финляндскаго Братства“ было соотвѣтственно переименовано въ „Отдѣленіе Архангельскаго Братства“, и т. д. Главная цѣль вновь открытаго Братства, какъ видно изъ устава Братства, осталась прежней.—„Братство во имя св. Архангела Михаила, учреждается въ Архангельскѣ для просвѣщенія бѣломорскихъ карелъ въ духѣ св. православной вѣры для укрѣпленія и преуспѣянія среди нихъ православія и для противодѣйствія пропагандѣ финляндцевъ, стремящихся олютеранить и офинить православныхъ карелъ, т. е. отнять ихъ отъ православія и отторгнуть ихъ отъ исконной преданности Русскому Царю и русскому народу“.

Одновременно съ развитіемъ событій, происходящихъ въ лагерѣ духовенства, Карелiей заинтересовалась мѣстная пресса въ лицѣ газетъ „Сѣвернаго Листка“, „Архангельска“, „Епархіальныхъ“ и „Губернскихъ“ вѣдомостей, а вслѣдъ за прессой и общество.

Лѣтомъ 1909 года Карелію посѣтилъ первый изъ Архангельскихъ губернаторовъ И. В. Сосновскій, зимою 1911 и 12 года—епископъ Варсонофій.

О Карелiи, которой раньше многіе не знали, заговорили, стали писать, печаловаться, Карелiей положительно заинтересовались.

Въ 1908 году вышла въ свѣтъ первая по полнотѣ и обстоятельности свѣдѣній книга о Карелiи „Архангельская Карелія“—изд. Архан. губ. статист. ком.

Съ основаніемъ Архангельскаго Общества изученія Русскаго Сѣвера и съ возникновеніемъ журнала при немъ статьи и замѣтки о Ка-

реліи стали появляться въ этомъ послѣднемъ органѣ. Составлялась т. об. литература о Кареліи, которая (литература) была въ прошломъ не только скудной, но прямо таки мизерной.

Къ настоящему времени всѣ существенныя нужды Кареліи уже выяснены, но въ виду того, что ни одна изъ нуждъ, за исключеніемъ народнаго образованія, не удовлетворяется и нѣтъ надежды на скорое удовлетвореніе, не только желательно, но и необходимо постоянно, настойчиво и неуклонно поддерживать печатно интересъ къ Кареліи, памятуя пословицу: ребенокъ не плачетъ, мать не разумѣетъ...

Пишущій эти строки народный учитель Кареліи, желая поближе ознакомиться съ забытымъ краемъ, совершилъ по нему 1 ½ мѣсячную экскурсію. Мысль путешествовать по Кареліи зародилась у меня подъ вліяніемъ статьи В. А. Ленгауэръ „О памятникахъ церковной древности до XVIII вѣка въ Архангельской губер.“, гдѣ, между прочимъ, есть такое мѣсто: „Помимо указанныхъ памятниковъ монастырей, церквей и утвари должно существовать еще немало памятниковъ незарегистрированныхъ и никому неизвѣстныхъ, какъ изъ церковной старины, такъ и изъ другихъ областей, за что говоритъ, во-первыхъ, прошлая жизнь Сѣвера и, во-вторыхъ—современныя условія: отсутствіе путей сообщенія, связывающихъ сѣверную окраину съ кипучимъ центромъ, и ея географическая изолированность: ясно, что много должно быть памятниковъ изъ государственной и научной археологіи... Вмѣстѣ съ началомъ собранія церковной старины необходимо обратить разностороннее вниманіе на остальную старину Архангельской губерніи“.

„Не слѣдуетъ останавливаться на кажущемся отсутствіи людей въ провинціи, таковые найдутся, если ихъ начать звать“ („Извѣстія А. О. И. Р. С.“ за 1912 г. № 4, стр. 170—171).

Послѣднія слова изъ приведенной выдержки статьи и послужили для меня главнымъ толчкомъ къ путешествію, результатомъ котораго является предлагаемая вниманію читателяс татья „Контуръ Архангельской Кареліи“.

Въ виду того, что средства на путешествіе мнѣ были предоставлены Правленіемъ Арх. О-ва изуч. Русскаго Сѣв., которое вправѣ поэтому ожидать отъ меня матеріала болѣе цѣннаго, чѣмъ предлагаемый, считаю нужнымъ сдѣлать оговорку. Задача моей экскурсіи состояла въ томъ, что я предполагалъ обойти всю Карелію съ такимъ расчетомъ, чтобы побывать во всѣхъ административныхъ пунктахъ 13 волостей края, описать трактовыя, проселочныя и выселочныя дороги каждой волости, описать, насколько это въ моихъ силахъ, памятники старины, собрать свѣдѣнія объ имѣющихся старинныхъ книгахъ, предполагалъ собрать на мѣстахъ (въ волост. правл.) статистическія данныя объ экономическомъ положеніи карелъ за послѣднія 5 лѣтъ, намѣревался записывать повѣрья, сказки, легенды и, вообще, этнографическія особенности карелъ.

Изъ 13 волостей Кареліи мнѣ удалось побывать въ 10-ти. Въ Кареліи, какъ и во многихъ захолустныхъ окраинахъ Россіи, маршрутъ диктуютъ дороги, или вѣрнѣе земскія станціи. Тамъ, гдѣ нѣтъ земскихъ станцій, путешественникамъ приходится или совсѣмъ отказаться отъ намѣченнаго маршрута, если въ перспективѣ путь рискованный, или частично измѣнить маршрутъ и платить большія деньги частнымъ проводникамъ, кромѣ того, тратить лишнее время на подысканіе проводниковъ, особенно въ лѣтнюю страдную пору, когда крестьяне заняты

своей неотложной работой и уходятъ иногда съ дому на цѣлую недѣлю (напр., на сѣнокосъ), оставляя домашничать дряхлыхъ да малыхъ.

Отмѣченныя мною неудобства дорожнаго путешествія по захолустнымъ окраинамъ и послужили причиной того, что я не могъ посѣтить еще трехъ наиболѣе отдаленныхъ волостей Карелiи—Тихтозерской, Олангской и Вычетайбольской.

Въ посѣщенныхъ мною волостяхъ—Лѣтнеконецкой, Тунгудской, Юшкозерской, Кондокской, Вокнаволоцкой, Ухтинской, Кестенгской, Подужемской, Маслозерской и Погосской я выполнялъ программу въ той части, которая касалась дорогъ, памятниковъ старины, книгъ, настолько, насколько позволяли обстоятельства. Сплошь и рядомъ мнѣ приходилось бесѣдовать съ такими мужиками Карелiи, которые не знали путей сообщенія даже въ своей волости; въ нѣсколькихъ старинныхъ часовняхъ не удалось побывать потому, что онѣ были заперты, ключи находились у священника или у старосты, которые были вдали отъ дома на работѣ.

Вообще выбранное мною время—лѣто,когда крестьяне отъ зари до зари находились на работахъ, во многихъ отношеніяхъ оказалось неблагопріятнымъ для экскурсіи.

Что касается статистическихъ данныхъ объ экономическомъ положеніи карелъ, то я не собралъ этихъ данныхъ потому, что г. Губернаторъ не разрѣшилъ мнѣ, несмотря на ходатайство Правленія О. И. Р. С., познакомиться съ соотвѣтствующими матеріалами.

Для собиранія этнографическихъ свѣдѣній нужно прежде всего знаніе языка того народа, который является объектомъ изученія, затѣмъ нужно время и особый навыкъ.

Не могу воздержаться, чтобы не привести здѣсь (въ своемъ мѣстѣ это неудобно) одну характерную сценку.

Дѣйствіе происходитъ въ большомъ карельскомъ селѣ, въ квартирѣ N, русскаго интеллигента, проживающаго въ Карелiи 10-й годъ.

Рѣчь заходитъ о покойникахъ.

Спрашиваю N.

— Скажите, какой формы здѣсь устраиваютъ гробы?

— Не знаю, не обращаю никогда вниманія, надо у Дуньки спросить (прислуга-карелка), та больше знаетъ... Дунька, какіе здѣсь устраиваютъ гробы?

Ломанымъ русскимъ языкомъ Дунька отвѣчаетъ: извѣсны, низу доска, верхъ крышка, бокъ четыре доска...

— Не устраиваютъ ли чего въ крышкѣ, напр., отверстіе...

— Дунька! Дунька (Дунька въ кухнѣ хлопочетъ по хозяйству)! кричитъ N, въ крышкѣ у гроба маленькое отверстіе не устраиваютъ?

— Будти нѣтъ!...

— А вставляютъ ли стекло въ отверстіе (находится противъ глазъ покойника)?

— Дунька!.. Дунька!.. (Дунька куда то вышла и возвращается) Дунька!. выходитъ изъ себя N

Чево?

Вставляютъ ли въ отверстіе стекло?

Будто не видать!

— А не кладутъ ли что-нибудь покойнику подъ изголовье?

— Дунька!.. Дунька!!!...

Я взглянулъ на улицу. Дунька пробѣжала мимо оконъ и скрылась въ сосѣднемъ домѣ...

Извиняюсь передъ читателями за оговорку, въ которой я сложилъ всю падающую на меня вину на другихъ...

Изъ Архангельска до Сороки.

На Мурманской пристани было многолюдно и, по обыкновенію, безпорядочно. Не только пассажиры 3-го класса 2-го, но и 1-го, большей частію богатые мужики изъ Поморья, такъ называемые поморы, никакъ не могутъ освоиться съ элементарнымъ правиломъ приличія при покупкѣ билетовъ, и всѣ буквально другъ передъ другомъ лѣзутъ къ кассѣ.

Давка, толкотня, споры.

— Господа, не всѣ сразу, у меня только двѣ руки, иронически замѣчаетъ кассиръ.

— А коли двѣ руки, такъ пришелъ бы выдавать билеты раньше, а не за 20 минутъ до отхода парохода, говоритъ въ полголоса изъ публики какой-то прилично одѣтый мужичекъ, повидимому, мелкій торговецъ.

Кое-какъ, не безъ усилій, наконецъ, у кассы.

Позвольте билетъ 2-го класса до Сороки.

Билеты 2-го класса распроданы.

Подъ сильнымъ напоромъ отступаю и вслушиваюсь въ разговоръ слѣдующаго „очереднаго“ пассажира, популярнаго въ Поморьѣ купца.

— Два билетика мнѣ 2-го класса до Сороки, телячьимъ голосомъ называетъ поморъ кассира и получаетъ 2 билета.

Что это значитъ?

Тотъ самый мужикъ, который только что совѣтовалъ приходить кассиру раньше, отвѣчаетъ.

— Это значитъ, что на Мурманской пристани кассиръ....

. . . . . .

А вы надѣетесь получить билетъ?

— Какъ же! Я записался въ кассѣ за пять часовъ до отхода парохода, меня предупредилъ объ этомъ одинъ знакомый.

— Что мнѣ теперь дѣлать?

— Если имѣете лишнія деньги, покупайте билетъ по 1-му классу, если нѣтъ—идите, пока не поздно, къ кассѣ для третьеклассниковъ. На пароходѣ какъ нибудь устроитесь. Не меньшій безпорядокъ, если не большій, у входа на пароходъ. Пассажиры 3-го класса впускаются на пароходъ только послѣ 1-го свистка. Такъ какъ проѣзжающихъ по 3 классу всегда много больше, чѣмъ имѣется на пароходѣ мѣстъ, то между пассажирами всякій разъ создается особое соревнованіе: всякій старается попасть на пароходъ въ первую очередь и занять мѣсто поудобнѣе. Минутъ за 10—15 до перваго свистка третьеклассники такой плотной стѣной обступаютъ трапъ, что нужно героическое усиліе, или помощь двухъ-трехъ матросовъ, чтобы пробраться съ пристани на пароходъ или обратно какому нибудь пассажиру высшаго класса.

Пароходъ засвистѣлъ...

Сотни третьеклассниковъ разомъ взвалили себѣ на плечи котомки, корзины, сундуки, ящики и напроломъ полѣзли къ трапу.

Шумъ, гамъ, крики, стоны...

Дважды спрашивалъ съ пароходнаго мостика капитанъ:

— Казакъ, вы здѣсь по службѣ?

Казакъ стоялъ бокъ-о-бокъ съ пароходомъ, лицомъ въ противоположную сторону отъ публики и такъ увлекся разговоромъ съ какой-то немолодой, черноглазой, блѣднолицей особой въ однихъ воло-

сахъ, въ затасканной бѣлаго цвѣта кофтѣ, въ косой юбкѣ, въ рваныхъ панелевыхъ гамашахъ,—которая сидѣла на бочкѣ и кокетливо болтала ногами, что, казалось, все забылъ на свѣтѣ.

Выведенный изъ терпѣнія капитанъ закричалъ.

— Казакъ, вы здѣсь по службѣ или на свиданіи? Казакъ круто повернулся, выстроился и тономъ полицейскаго проговорилъ:

— Такъ точно, капитанъ, по службѣ.

Потрудитесь водворить порядокъ!

Слушаюсь!

Осторожно отошелъ пароходъ отъ пристани и медленно направился по многоводной Двинѣ къ Бѣлому морю, минуя красивую набережную Архангельска, оживленную Соломбалу, больше десятка великановъ лѣсопильныхъ заводовъ, встрѣчая на пути много пароходовъ разнаго типа и величины, массу карбасовъ, лодокъ, шлюпокъ, которые вдоль и поперекъ съ утра до вечера бороздили мать рѣкъ Архангельской губерніи.

Непривѣтливо встрѣтило насъ Бѣлое море.—Не скрылись берега изъ виду, а качка уже давала себя чувствовать.

Два раза обошелъ третій классъ въ надеждѣ найти подходящее мѣсто, но безрезультатно. Мѣста вездѣ были переполнены до невозможности. Нужно перо безсмертнаго Гоголя, чтобы нарисовать полную картину того положенія, тѣхъ условій, въ которыхъ ѣдутъ пассажиры 3-го класса на Мурманскихъ пароходахъ. Если можно съ чѣмъ-либо сравнить положеніе и помѣщеніе для третьеклассниковъ на Мурманскихъ пароходахъ, то развѣ только съ библейскимъ адомъ...

Тѣснота, дымъ, пыль, отвратительный запахъ, ругань, пѣсни, ревъ „тальянки“ и ребятъ, сквернословіе, пляски, попойки, картежныя игры, драки и многое другое—вотъ тѣ условія, въ которыхъ ѣдетъ большинство пассажировъ 3-го класса ни къ чему непричастныхъ, ни въ чемъ неповинныхъ, но для огражденія спокойствія и удобства которыхъ ровно ничего не дѣлается.

Спускаюсь во 2-й классъ. Въ общей каютѣ крупный споръ.

— Что же это у васъ за порядки, мѣстъ 20, а билетовъ продано 25, повышеннымъ тономъ говоритъ какой-то акцизный чиновникъ штурману.

— Пишите жалобу, я тутъ ни при чемъ..

Одинъ изъ пассажировъ везетъ собаку. Публика рѣзко возмущается.

Собакамъ мѣсто есть, а намъ нѣтъ.....

Собаку выводятъ въ третій классъ. Животное упирается. нейдетъ, не хочется ему ѣхать съ третьеклассниками въ убійственной атмосферѣ..... Ночь, вѣтренно, холодно, килевая качка...

Въ общей каютѣ 2-го класса размѣстились вокругъ стола 5 лишнихъ человѣкъ...

Куда бы....

На палубѣ между трубою и ящикомъ оказалось немного свободнаго мѣста.

Усаживаюсь. Вспоминаю близкое прошлое...

„Всю зиму я мечталъ о поѣздкѣ на курсы. Наступилъ май. Гляжу въ кошелекъ: тамъ изъ 25 рублеваго жалованья отъ „зимы“ осталось всего пять цѣлковыхъ.... Только на дорогу до своего губернскаго города.

Неужели опять идти на сплавъ, какъ въ позапрошлый годъ, или

„гнать“ съ таксаторами визирку, что дѣлаютъ нѣкоторые учителя Карелiи? Неужели такова ужъ доля учителя Карелiи, чтобы зимой имѣть дѣло съ *душой*, а лѣтомъ съ *бревномъ*.....

Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ!

Поѣду на тотъ косвенный призывъ къ „людямъ провинцiи“ насчетъ собиранiя старины, о которомъ прочиталъ въ журналѣ...

Въ Архангельскѣ меня выслушали, поблагодарили за предложенiе, дали средства, документы, а когда я вышелъ, сказали: душа отдыхаетъ, когда видишь такихъ людей“....

Радостно стало отъ воспоминанiя. Забылъ, гдѣ сижу. Кажется, хорошо, спокойно, уютно.

Рокочетъ, шипитъ, извивается море. Бѣгутъ одна за другой волны, тянутся въ высь, но тщетно...

Дрожитъ пароходъ, кланяется, точно чего-то боится, передъ кѣмъ-то заискиваетъ...

Черезъ сутки съ небольшимъ показалась Сорока. Приходъ парохода вноситъ въ сѣренькую будничную жизнь не только селъ, но и уѣздныхъ городовъ нѣкоторое разнообразiе, является, такъ сказать, событiемъ. Встрѣчать пароходъ идутъ всѣ—отъ мала до велика—кому не лѣнь, у кого нѣтъ неотложной работы.

Мы подъѣзжали къ Сорокѣ въ праздникъ. Праздничный день собралъ на пристань публики не одну сотню. Панамы, шляпы, кепки, фуражки, модныя тройки, платья, ботинки, трости, прически... все, кромѣ типично поморскаго.

Шлюпка къ берегу еще не пристала (Мурманскiй пароходъ не доходитъ до Сороки 8 верстъ), а между пассажирами и публикой съ берега—оживленный разговоръ.

— Эй, Ванька, возьми котомку, кричитъ рабочiй „земляку“ на пристани.

— Стой!—отдаетъ приказанiе капитанъ, не доходя двухъ саженъ до пристани.

Летитъ котомка за котомкой со шлюпки на пристань, между тѣмъ капитанъ выходитъ изъ себя отъ досады, что при такомъ стеченiи публики не могъ отличиться и пристать сразу.

— Задній ходъ... Стопъ!..

Смѣхъ, остроты, шутки...

Послѣ нѣсколькихъ „Стопъ“ и „Задній ходъ“, шлюпка, наконецъ, у пристани.—Привѣтствiя, рукопожатiя, поцѣлуи, шумные разговоры...

Сорока—большое село, 4 лѣсопильныхъ завода, извѣстный на всю Россiю сельдяной промыселъ, значительная торговля. Административный пунктъ Сорецкой волости, „столица“ Сорецкой Карелiи—двухклассное министерское училище, фельдшерскiй пунктъ... лѣсничiй, таможенный, порядочно полицiи... почтово-телеграфная контора. Иду на земскую станцiю, минуя заводскiя строенiя, жилища для рабочихъ. Всюду большое оживленiе, много публики, преимущественно рабочихъ, около пріѣзжихъ торговцевъ съ мелочью, съ готовымъ платьемъ.

— Сколько стоятъ эти брюки и пальто? спрашиваетъ торговца молодой парень, судя по выговору—карелякъ.

— Съ васъ для перваго знакомства возьму недорого.

— А сколько?

— Посмотрите товаръ, попримѣрьте.

Рабочiй примѣряетъ брюки, плюетъ слегка на матерiалъ, шоркаетъ пальцемъ по наплеванному мѣсту и смотритъ—не линяетъ ли,—тянетъ

матеріалъ въ разныя стороны, стараясь убѣдиться въ прочности и т. д.

— Оно какъ будто широковаты мнѣ будутъ брюки-то.

По тону, которымъ сказаны слова, торговецъ догадывается, что брюки покупателю нравятся, но что дѣло за размѣромъ.

— Ничего—это матеріалъ испанскій—будете носить, немного *ссядутся*...

Рабочій откладываетъ брюки въ сторону и смотритъ пальто.

— Одѣньте, попримѣрьте, любезничаетъ торговецъ. Рабочій одѣваетъ пальто.

— Оно какъ будто тѣсновато въ рукавахъ...

— Не безпокойтесь, будете носить—*растянется* немного—это матеріалъ французскій... Какъ оно хорошо сидитъ на васъ, вы теперь выглядите не рабочимъ, а приказчикомъ...

Рабочій польщенъ:

— Такъ сколько возьмете за брюки и за пальто вмѣстѣ.

— 4 красненькихъ (40 рублей).

— Такъ дороговато.

— А сколько вашихъ?

Рабочій немного думаетъ, потомъ говоритъ:

— 13 рублей.

— Проваливай дальше...

— Знаемъ вашего брата, запрашиваете всегда въ три раза больше.

— Мы тоже знаемъ вашего брата, болтаетесь зря и безпокоите людей понапрасно.

Общее молчаніе.

Первый начинаетъ говорить торговецъ.

— Давай настояще.

— Полтину прибавлю...

Начинается торговля, сходятся на 17 рубляхъ.

— Себѣ въ убытокъ продалъ, говоритъ торговецъ, получая деньги...

Рабочій не подозрѣваетъ, что его, какъ говорится, надули—вся цѣна обновкамъ, изъ которыхъ одна якобы ссядется, другая—растянется—10 рублей. Пріѣзжіе торговцы всегда въ барышахъ.—Бѣдные рабочіе бѣдны еще и въ другомъ отношеніи—пьянство, картежная игра, мордобойство—единственныя развлеченія ихъ въ праздники...

Дѣла у владѣльца Сороцкихъ заводовъ Бѣляева, какъ извѣстно, слагаются хорошо. Взять, напр., Сороку—былъ одинъ заводъ, теперь три (4-й заводъ принадлежитъ Стюарту). Слѣдовало бы помнить г. Бѣляеву, что его „машины—многочисленная армія рабочихъ, на невѣжествѣ и безстыдной эксплоатаціи которыхъ онъ нажилъ себѣ огромное состояніе—имѣютъ, кромѣ рукъ—*душу*—и слѣдовало бы выстроить на заводѣ рабочій домъ, чистый, просторный, съ библіотекой, съ кинематографомъ, съ театральными подмостками..

Да, слѣдовало бы...

Продолжаю путь. Публика встрѣчается на каждомъ шагу. У многихъ въ рукахъ водка.

У одного мужичка въ 4 карманахъ по бутылкѣ да въ рукахъ по четвертной. Одолѣваетъ любопытство—спрашиваю:

— Откуда и куда несутъ такъ много вина.

— Изъ казенки домой, по-суворовски отвѣчаетъ мужикъ и быстро скрывается въ ближайшемъ переулкѣ.

Теряюсь въ догадкахъ—почему сороцкая казенка составляетъ

исключеніе и торгуетъ въ праздникъ. Сомнѣніе разъясняетъ попавшійся навстрѣчу съ сильно оттопыренными карманами полицейскій чинъ (тоже заправилъ). Оказалось, что сороцкая казенка по приговору крестьянъ закрывалась, и отмѣченный день былъ днемъ распродажи..

Многое можно сказать, разумѣется, не на злобу дня, о настоящемъ Сороки, ея славномъ будущемъ, за что говоритъ ея блестящее географическое положеніе (при многоводной рѣкѣ Выгъ, у моря), которому завидуетъ не одинъ городъ Россіи...

Я отмѣчу лишь то значеніе, которое представляетъ с. Сорока для Карелiи.

Сотни карелъ работаютъ здѣсь изъ года въ годъ то на покосѣ, то на сельдяномъ промыслѣ, то на заводѣ, или ходятъ отъ мѣстныхъ судовладѣльцевъ и рыбопромышленниковъ на Мурманъ и такимъ путемъ добываютъ себѣ и своей семьѣ пропитаніе.

Сотни карелъ покупаютъ здѣсь ежегодно по высокой цѣнѣ у своихъ кредиторовъ—поморовъ—муку.

Сотни карелъ ежегодно продаютъ здѣсь, скрѣпя сердце, послѣднюю рыбу, икру, масло и со слезами разстаются со скотиной, т. к. заработанныхъ денегъ у поморовъ, вслѣдствіе ничтожной оплаты труда, не хватаетъ на пропитаніе.

Сотни карелъ безжалостно эксплоатируются заводчиками, поморами...

Сотни карелъ пропиваютъ здѣсь съ горя остатніе гроши.

Содержитъ станцію б. учитель. Разговорились.—20 лѣтъ учительствовалъ, а вотъ на старости лѣтъ пришлось измѣнить любимому дѣлу. Если бы не семья, не оставилъ бы учительства.

Хотѣлось всѣхъ выучить, а на учительское жалованіе это немыслимо.

— Извините за нескромность—сколько вы теперь получаете?

Слышу довольно приличную цифру.

Положеніе бывшаго учигеля въ роли содержателя станціи явленіе, конечно, печальное, нежелательное, но на нашемъ Сѣверѣ встрѣчаются еще не такіе примѣры.

„Нужда скачетъ, нужда пляшетъ, нужда пѣсенки поетъ“...

Пара дорожныхъ лошадей была готова, намѣреваюсь отдать прогоны, но встрѣчаю предупрежденіе.

— Не безпокойтесь, дорога дальняя, деньги пригодятся...

Ну-ка!—крикнулъ ямщикъ на лошадей, встряхнувъ возжами. Тарантасъ съ шумомъ и громомъ покатился, мѣстами прискакивая, присѣдая.

Дорога, по которой мы ѣдемъ, носитъ громкое имя—Сороцко-Тунгудскій трактъ. Трактъ этотъ—первая дверь въ Карелію, если ѣхать по поморскому побережью изъ Сумы въ Кемь. Біографія тракта не лишена интереса.

Не болѣе, какъ 6 лѣтъ назадъ по мѣсту Сор.-Тун. тракта пролегала дикая, кочковатая, болотистая тропа.

Много карельскихъ слезъ и поту впитала эта тропа на протяженіи вѣковъ.

Послушаемъ моего ямщика, 60 лѣтняго старика карела.

„Тяжелые раньше были годы, неурожайные не одинъ разъ, бывало, сходишь въ лѣто въ Сороку за мукой—хлѣбныхъ магазиновъ тогда не было. Идешь изъ Сороки и приговариваешь: „Помоги, Господи, добраться до дому. А домъ въ 70 верстахъ, дорога такая, что пѣшкомъ

идти трудно. Отдыхали на каждой полуверстѣ. Посидимъ минутъ пять—больше нельзя—дома безъ хлѣба сидятъ, перекрестимся и опять впередъ. Кровь шла изъ плечъ, такъ было тяжело", закончилъ дѣдъ.

6 лѣтъ назадъ на средства лѣсного вѣдомства С.-Тунгудскую стали приспособлять для конной ѣзды. Сначала предполагалось дать населенію дорогу въ сажень шириною, что и было выполнено на протяженіи 70 верстъ отъ Сороки до дер. Машезеро. До Тунгуды оставалось всего 10 верстъ, но работа была пріостановлена и начата снова отъ Сороки въ болѣе широкомъ масштабѣ: одноколесную дорогу стали передѣлывать въ двухколесную. Въ настоящее время б. тропа представляетъ изъ себя ни то, ни се—дорогой ее назвать нельзя, трактомъ можно назвать только въ шутку. Работы по устройству двухсаженной дороги закончены только до Выгострова (8 в.) и то неудовлетворительно: мѣстами на болотномъ настилѣ столько песку, что колеса вязнутъ на четверть, мѣстами песку совсѣмъ нѣтъ, особенно на первой верстѣ отъ Сороки. Между Выгъ-островомъ и Шуезеромъ работы продолжаются (38 верстъ). Отъ Шуезера до Машезера готова одна послѣдняя верста (22 в.). Изъ Машезера до Тунгуды прорублена лишь просѣка (10 в).

Выгостровъ—около сотни русскихъ дворовъ, министерское училище, церковь, но безъ причта.

Названіе свое деревня получила отъ рѣки Выгъ, которая въ этомъ мѣстѣ раздѣляется на два неровныя русла—одно широкое течетъ по направленію къ Сорокѣ, другое—къ деревнѣ Шижнѣ.

Сдѣлалъ попытку „поинтервьюировать" одного старичка въ Выгостровѣ на счетъ житья-бытья приморскаго, но получилъ предупрежденіе—у насъ ничего особеннаго—живемъ да хлѣбъ жуемъ, рыбой закусываемъ, кормимся отъ моря... Поѣдете въ Карелу, тамъ всего насмотритесь да наслышитесь.

Поѣхалъ. Путь неудобныя 3 версты по р. Выгъ, 27 верстъ верхомъ на лошади, остальныя 8 верстъ водой, частью ложбиной, немного по канавѣ, но больше по озеру Шуезеро. Въ 8 верстахъ отъ Выгострова при р. Выгъ первый карельскій выселокъ въ 1 домъ—Сосновецъ. До устройства дороги сообщеніе между Сосновцемъ и Сорокой поддерживалось воднымъ путемъ.

Немного выше Сосновца большой порогъ—Маткожня. Здѣсь каждое лѣто устраивается запань для бревенъ, много живетъ рабочихъ.

Изъ Сороки въ Маткожню проведенъ телефонъ.

Дорога около Сосновца круто свернула вправо. Скрылся изъ виду широкій Выгъ, затерялись телефонные столбы...

Россія осталась позади, началась Карелія. Въ силу этнографическаго и экономическаго положенія Архангельскую Карелію можно подраздѣлить на Финскую и Бѣломорскую. Къ Финской Кареліи тяготѣютъ волости: Юшкозерская, Кондокская, Вокнаволоцкая, Ухтинская, Тихтозерская, къ Бѣломорской Кареліи остальныя 8 волостей. Бѣломорскую Карелію въ свою очередь можно подраздѣлить на Каретскую съ волостями: Олангской, Кестенгской, Вычетайбальской,—Кемскую съ волостями: Подужемской, Маслозерской и Погосской и на Сороцкую съ волостями: Лѣтнеконецкой и Тунгудской.

Была полночь. Мы подъѣзжали къ первой деревушкѣ Карелiи—Перевозной варакѣ. Три большихъ мохнатыхъ собаки съ такимъ оглушительнымъ лаемъ выскочили намъ навстрѣчу, что мой ямщикъ, православный русскій христіанинъ, снялъ шапку и истово перекрестился:

— Не иначе, какъ въ нихъ нечистая сила вошла...

Деревня спала.

Стучалъ ямщикъ кулакомъ въ ворота, ревѣли собаки, трясла головой лошадь, отбиваясь отъ мошки и звеня колокольчикомъ—никто не выходилъ насъ встрѣчать.

Крѣпко спятъ лѣтомъ карелы. Рабочій день, длящійся 15—20 часовъ, такъ утомляетъ ихъ, что они лежатъ, какъ убитые.

Ямщикъ сталъ колотить въ стѣну, но когда и это не помогло, подошелъ къ окну и сталъ барабанить въ раму.

Въ избѣ послышался стукъ, а затѣмъ открылись ворота.

Передъ нами стоялъ съ взъерошенными свѣтло-русыми длинными волосами, съ водянисто-бѣлыми бойкими глазами, съ загорѣлымъ немного скуловастымъ, широконосымъ лицомъ, въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, средняго роста, коренастый, широкоплечій пожилой мужикъ, который сначала почесалъ голову, потомъ подъ пазухой, опять голову и послѣ этого, какъ-то нехотя, сказалъ:

— Проходите.

Мѣнять ароматичную ночь на душную комнату не хотѣлось, и я остался на улицѣ.

Перевозная варака состоитъ изъ 6 дворовъ, раскинутыхъ въ 4 мѣстахъ!

Таковы вообще всѣ „варакп“ въ Карелiи. Иная варака (деревня, расположенная на холмѣ) въ 3—4 дома раскидывается чуть не на версту. Жители варакъ, точно помѣщики: пахотная земля, сѣнокосъ, богатыя рыбой озера—все у нихъ поблизости, подъ руками. Это народъ наиболѣе зажиточный въ Карелiи. Постройка на варакахъ много лучше, чѣмъ въ селахъ. Дома новые, чистые, аккуратные.

---

10 минутъ—и всѣ готовы къ отправкѣ. Усаживаемся въ лодку и ѣдемъ первую версту по ламбинѣ, саженъ сто по канавѣ, остальныя 6 верстъ по озеру Шуезеро—длина 10 вер., наибольшая ширина 5 в.,—усѣянному многочисленными островками—то каменистыми, голыми, то съ растительностью—преимущественно съ тощими сосенками.

Относительно канавъ слѣдуетъ замѣтить, что ихъ въ Карелiи не одинъ десятокъ. Вездѣ, гдѣ можно соединить два озера, озеро съ рѣкой, одну и ту же рѣку, которая дѣлаетъ большую кривулю—издавна у карелъ устроены канавы. Ширина канавъ равна ширинѣ лодки или карбаса, глубина около аршина. Самую длинную канаву (3 вер.) мнѣ пришлось видѣть въ Маслозерской волости—канава соединяетъ два большихъ озера—Лежево и Пебозеро. Въ лѣтнее время канавы часто высыхаютъ, но на днѣ всегда остается немного воды или грязной жидкости—лодку въ такихъ случаяхъ тянутъ, что особаго труда не составляетъ. Строятся канавы большею частью натурой, сообща. Работы на подрядъ отдаются рѣдко. Есть въ Карелiи нѣсколько канавъ, вырытыхъ безвозмездно, по личному усердію старичковъ.

Шуезеро—названіе двухъ деревень-Лѣтнеконецкой и Сѣверноконецкой, около шести десятковъ избъ, наполовину новенькихъ, приличныхъ, безпорядочно раскинутыхъ версты на $1^1/_2$ по лѣвому низменному берегу оз. Шуезера.

Древняя часовенка, старинная церковь, молодое министерское училище.

Проходя по деревнѣ, я принялъ часовню сначала за амбаръ, настолько она была незатѣйлива и вообще ничѣмъ не отличалась отъ окружающихъ ее ригъ, амбаровъ, бань. Только на обратномъ пути, бросивъ случайный взглядъ на крышу „амбара“, я подмѣтилъ надъ входомъ миніатюрный крестикъ и остановился...

Сажень вышина, 2 аршина ширина, крутая крыша, тонкія сѣдыя бревна...

Часовня не закрывается. Вхожу...

8-ми конечный крестъ, упирающійся у восточной стѣны внизу въ полъ—вверху въ крышу, да три потемнѣвшихъ иконы и—все. На крестѣ вырѣзано изображеніе І. Христа, заслуживающее того, чтобы часовенку берегли, залирали, хранили...

Когда выстроенъ этотъ маленькій домъ молитвы—никто не помнитъ—„даже старики“—добавилъ проводникъ.

Церковь построена въ 1619 году—старинная архитектура, много древнихъ иконъ, чтимая изъ нихъ св. пр. Иліи.

Интересны хоругви, представляющія изъ себя ни что иное, какъ грубо прикрѣпленыя къ деревяннымъ шестамъ небольшія квадратной формы иконы.

Обращаетъ на себя вниманіе большой крестъ, установленный въ память освященія церкви съ такою надписью: „Освящена церковь св. пророка Иліи при благовѣрномъ государѣ царѣ и великомъ князѣ Михаилѣ Феодоровичѣ Московскомъ и всея Россіи, при патріархѣ Филаретѣ Московскомъ и всея Россіи и при митрополитѣ Ісидорѣ...“ (дальнѣйшая надпись плохо разборчива).

Священникъ былъ на требѣ, и болѣе подробно ознакомиться съ церковью, къ сожалѣнію, не удалось.

За послѣдніе пять лѣтъ на церковь израсходовано около 700 руб. Деньги составились исключительно изъ грошей мѣстныхъ крестьянъ, расположенныхъ къ пожертвованію умѣлымъ словомъ нынѣшняго свящ. о. А. П., который вообще много потрудился для того, чтобы удержать памятникъ старины отъ упадка и имѣть его въ приличномъ видѣ. (О часовенкѣ слѣдовало бы о. А. П. тоже позаботиться).

Училище открыто въ 1898 году. Зданіе—лучшее въ деревнѣ; дома причта и правленіе—какая-то развалина.

... Урядника нѣтъ, фельдшера нѣтъ... О послѣднемъ приходится пожалѣть. Многонаселенная широкораскинутая Лѣтнеконецкая волость ввѣрена попеченію сороцкаго фельдшера, который пріѣзжаетъ въ свой участокъ, вѣрнѣе въ с. Шуезеро, одинъ разъ въ годъ (винить за это нельзя, у себя въ Сорокѣ много дѣла), да и то на какой-нибудь часъ...

„Надо бы намъ своего фельдшера. Былъ у насъ ономеднись дохтуръ, такъ сулилъ. Не знаемъ, будетъ ли что“...

Земская станція, гдѣ я остановился, была переполнена. Одни, кто постарше, пришли по моему приглашенію—другіе изъ любопытства.

Приглашая старичковъ, я думалъ—буду задавать такіе-то и такіе вопросы; мнѣ будутъ отвѣчать, я записывать и т. д.

Вмѣсто того, чтобы говорить о своемъ житьѣ, старики закидали меня вопросами.

„Откуда ѣдешь, куда, зачѣмъ, на что это? Что новаго въ газетахъ пишутъ? Говорятъ—Думу опять разогнали...

„Почемъ мука въ Архангельскѣ? Не слыхалъ—къ намъ фершалъ не ѣдетъ?.. и все въ томъ же духѣ.

Кое-какъ, съ большой затратой времени, бесѣда, наконецъ, наладилась.

— Каковы у васъ дороги? *)

— Ой, ужъ наши дороги—одно мученье...

Болото, грязь, камни, суковатые бревенчатые мосточки, порожистыя рѣки, озера—услышалъ я знакомыя слова.

— Каково родится хлѣба?

— На два, на три мѣсяца.

— Ловите ли рыбу?

— Ловимъ, только не ѣдимъ, за насъ ѣдятъ въ Сорокѣ, въ Финляндіи, въ Шуньгѣ, въ Питерѣ...

— Что у васъ служитъ приваркомъ?

— Рокша (похлебка изъ воды, муки и картофеля), волнухи, картошка, ягоды, рѣпа.

— Гдѣ зарабатываете себѣ на хлѣбъ?

— Осенью на сельдяномъ промыслѣ въ Сорокѣ, зимою на вывозкѣ бревенъ, лѣтомъ—на сплавѣ, на Мурманѣ.

Отворилась дверь. Вошли четыре мужика. Помолились, поздоровались.

— Къ вашей милости... Напиши прошеніе, писарь отказывается...

Я только что передъ приходомъ мужиковъ намѣревался задать присутствующимъ вопросъ—какъ великъ у каждаго изъ нихъ годовой заработокъ и расходъ, имѣя въ виду собрать матеріалъ для годового бюджета карелъ.

Отвѣтъ на этотъ вопросъ принесли вновь пришедшіе.

— Кому прошеніе? о чемъ?..

— Губернатору... Желаемъ переселиться на Мурманъ—не вмоготу больше здѣсь жить. Хлѣбъ не родится. Рыба, звѣрь и птица вывелись...

— Теперь у васъ много работы на сторонѣ. Мнѣ сейчасъ говорили про сельдяной промыселъ, про лѣсной и т. д. Вы можете заработать хорошія деньги дома.

— Это вѣрно, работы у насъ много, зарабатываемъ мы также немало, но при всемъ этомъ чуть-чуть сводимъ концы съ концами; большая часть изъ насъ никакъ не можетъ выбиться изъ долгу. Вотъ, напр., мое житье—одинъ изъ мужиковъ выступилъ впередъ и сталъ разсказывать:

„Мы зарабатываемъ съ братомъ осенью на сельдяномъ промыслѣ, отъ продажи рыбы, птицы и звѣря . . . . . 150 руб.
Зимою на вывозкѣ бревенъ на пару лошадей . . . . . 300 „
Лѣтомъ и весною на сплавѣ и на Мурманѣ . . . . . 150 „
Всего . . 600 „

Проживаемъ:
На муку держимъ—70 мѣшковъ по 7 р. . . . . 490 „
На пшено—1 мѣш. 5 п. . . . . 11 „
На 12 фун. чаю . . . . . 22 „
Сахару $2^1/_2$ пуда . . . . . 17 „
Обувь и одежда на 16 человѣкъ (отецъ, мать, двѣ сестры, холостой братъ, у меня 4 дѣтей, у другого женатаго брата 3 дѣтей) . . . . . 100 руб.

*) Собранный матеріалъ о дорогахъ Карелiи предполагаю напечатать въ особой статьѣ.

На мелочные расходы: на керосинъ, спички, мыло, табакъ, вино, на сельско-хозяйственныя принадлежности и пр. 60 р.*)

Всего . . . 700 „

— Это въ хорошій годъ; если годъ худой, сельдей, ряпуксы и сиговъ достанемъ мало, да вдобавокъ еще хлѣба своего не родится, приходится лѣзть въ долгъ...

— Сколько у васъ родится своего хлѣба?

— Пудовъ 60.

— Неужели у васъ выходитъ муки 375 пудовъ въ годъ?

— Да, почти половина муки идетъ у насъ лошадямъ. Ежели, примѣрно, на бревяной вывозкѣ работаемъ, то каждая лошадь потребляетъ въ день 20 фунтовъ муки, ежели лошадь дома—пять фунтовъ.

— Окупаютъ ли расходъ лошади?

Когда какъ, безъ лошади нельзя!...

— Сколько у васъ скота?

— Кое-какого 11 головъ; отъ скота пользы получаемъ мало, держимъ для своей надобности, для навозу. Сѣно наше худое, и скотъ худой.

Годовой заработокъ средней семьи сороцкихъ карелъ 300-400 р. Львиная доля расхода падаетъ у всѣхъ на покупку муки.

Будь у карелъ плодородная земля, они давно бы имѣли сберегательныя книжки...

Въ Шуезерѣ порядочно старообрядцевъ. Торговалъ у одного книги:

— Продай.

— Жалко разстаться....

Вы какъ желаете, ѣхать али идти?

— Поѣду.

Содержатель сталъ готовить лошадь, одѣлъ шлею, узду, сѣдло, къ сѣдлу съ обѣихъ сторонъ привязалъ кладь, уложенную для удобства въ мѣшки.

Теперь садитесь.

Поспѣшишь—людей насмѣшишь. Я поѣхалъ рысью, но не успѣлъ миновать ста саженъ и оборвался.—Сѣдло было привязано слабо, кладь къ сѣдлу—неравномѣрно: получился перевѣсъ..

Сѣдло объѣхало на бокъ, кладь волоклась по землѣ, я держался за загривокъ лошади, не имѣя возможности освободить ногъ изъ стремянъ—кольцеобразныхъ веревокъ.

Проводникъ шелъ быстро и поспѣшилъ на помощь; крѣпче привязали сѣдло, сдѣлали равномѣрно кладь и пошли. Ѣхать было опасно. Дорога убійственная, особенно первыя двѣ версты. На болотахъ отъ мостковъ сохранились лишь слѣды. По ручьямъ въ сажень шириною брошены пять шесть перекладинъ. Лошади нужно имѣть большое искусство, чтобы перейти по такому мосту.

— Отъ Лехты трахтъ пойдетъ—утѣшаетъ проводникъ.

Черезъ $1^1/_2$ часа, миновавъ 3 версты, мы выѣхали на трактъ. Дорога пошла дѣйствительно лучше, можно было опять ѣхать верхомъ, но не хотѣлось... во избѣжаніе оказіи.

Самый удобный способъ передвиженія по Карелін—пѣшеходный. Для этого нужно имѣть высокіе непромокаемые сапоги и нѣкоторую

*) Только большія семьи въ Карелін сводятъ „концы съ концами“. Маленькія семьи за рѣдкими исключеніями—всегда въ долгу.

споровку для перескакиванія съ камня на камень, на клочь, на бревно и т. д. Риска въ пѣшеходномъ передвиженіи никакого. Самое большое—можно гдѣ-либо завязнуть по колѣно въ грязь или, проходя по болоту, по суковатымъ жердочкамъ и—не умѣя балансировать тростью—необходимой спутницей при путешествіи—можно оборваться на бокъ.

Другое дѣло—ѣзда верхомъ. Тутъ ужъ возможны несчастные случаи, какихъ было немало.

Часто случается—путешественникъ упадетъ вмѣстѣ съ лошадью и придавитъ себѣ руку или ногу.

Болѣе рискованная ѣзда—это водою по порогамъ, которыми изобилуютъ рѣки Карелiи. Не было такого лѣта, чтобы не нашли въ рѣкахъ Карелiи труповъ...

Длинными и скучными показались 7 верстъ до дер. Шагозеро. Ни одной встрѣчи, ни одного красиваго вида.

Пыль, комары, мелкій лѣсъ.

За Шагозеромъ дорога развѣтвляется.

— По которой ѣхать?—спрашиваетъ проводникъ.

— Которая удобнѣе...

— Направо каменья много, налѣво мосты худые...

Лошадь свернула направо.

Торопливо проходимъ на 11-й верстѣ вараку Нейго, намѣреваясь попасть „не на спящихъ“ въ Машезеро, до котораго остается еще 11 верстъ.

Машезеро. Горбатая старуха и слѣпой дѣдъ встрѣтили насъ на Машезерской станціи. Дѣдъ признался, что радъ чужому человѣку и охотно заговорилъ.

— Живемъ, слава Богу, не такъ, какъ раньше: хлѣба раньше не росло, морозъ побивалъ, казна народъ кормила. Муки выдавали мало. Бабы клали въ квашню одну ложку муки, да три сосновой коры. Заводовъ раньше не было. Заработки были плохіе. Теперь народъ сталъ богаче. Бывало на всю деревню былъ одинъ самоваръ, нонче у нѣкоторыхъ по четыре. У многихъ въ деревнѣ есть свои „посудины“ для ловли сельдей въ Сорокѣ и трески—на Мурманѣ. Зашла рѣчь о Сороцко-Тунгудскомъ трактѣ.

„Когда начали строить дорогу, мы, старики, плакали отъ радости.

— А теперь?

— А теперь плачемъ съ горя. Дорогу строятъ 6-й годъ, денегъ ухлопали столько, что намъ, старымъ людямъ, и не сосчитать, а „возу все нѣтъ ходу“.

Я не намѣренъ брать подъ защиту строителя С.-Тунгудгскаго тракта, лѣсного ревизора г. Т., но долженъ сказать, что сдѣлать изъ дикой, болотистой тропы трактъ дѣло нелегкое. Условія дорожнаго строительства въ Карелiи таковы, что требуютъ, кромѣ времени и денегъ, опытный контингентъ рабочихъ и спеціалистовъ-руководителей. Архангельскіе карелы хорошо орудуютъ топоромъ, но не умѣютъ держать лопаты...

Изъ Машезера въ Тунгуду сообщеніе „изъ вѣковъ“ поддерживается воднымъ путемъ—немного по ламбинамъ, но больше по рѣкѣ Тунгудѣ, которая имѣетъ на пути одинъ непроѣзжаемый порогъ.

С. Тунгуда состоитъ изъ 70 дворовъ, расположенныхъ на возвышенномъ берегу небольшой ламбины, недалеко отъ рѣки Тунгуды. Церковная школа, урядникъ. Но всей Карелiи нѣтъ такого безпорядка въ расположеніи домовъ, какъ въ Тунгудѣ.—Въ деревнѣ нѣсколько

74417
Библиотека ВМФ СССР

улицъ продольныхъ и поперечныхъ. Дома глядятъ „во всѣ концы свѣта бѣлаго“. У каждаго дома амбаръ—скученность, тѣснота, къ счастью, нѣтъ грязи, и впечатлѣніе остается нельзя сказать, чтобы плохое.

Ласкаетъ взоръ окруженная густой рощей на берегу небольшой ламбины, въ центрѣ деревни, старинная часовенка.

Тунгудская волость—наиболѣе раскинутая въ Карелiи. Самая дальняя деревня Калли-волохта находится на границѣ Олонецкой губ., въ 67 верстахъ отъ волостного правленія. Особенность волости—обилiе мелочныхъ торговцевъ; торгуютъ: кто рыбой, кто мясомъ, больше виномъ и финскимъ товаромъ—кофе, мануфактурой, спичками.

Лѣтомъ 1913 года въ Тунгудской волости производилось отграниченіе крестьянскихъ владѣній отъ казенныхъ. Нарѣзано земли для всѣхъ 16 деревень волости (1.126 душъ) по 15 десятинъ на душу: сначала крестьяне были сильно возбуждены и смотрѣли на землемѣровъ, какъ на людей, которые пришли ихъ разорить, но когда крестьянамъ была показана наглядно величина десятины и разъяснено, что болота и озера въ счетъ не пойдутъ, возбужденіе пало...

Будень, ведряно. Мужики, бабы и подростки—всѣ на сѣнокосѣ.

Иду въ волостное правленіе. „Такъ и такъ, держу путь туда-то, по дѣлу такому-то. Содержатель станцiи соглашается везти только до Березова: имѣю серьезное основаніе предполагать, что березовскіе мужики за прогоны проводника мнѣ до слѣдующей дер. Чирко-Кемь (40 в.) не дадутъ. Потрудитесь дать на основаніи этихъ документовъ (показываю открытый листъ и открытое предписаніе отъ губернатора) приказъ десятскому въ Березово въ томъ смыслѣ, чтобы онъ оказалъ мнѣ содѣйствіе въ подысканiи подводы.

Приказъ былъ написанъ въ категорической формѣ.

— Значитъ, я могу быть увѣреннымъ, что меня не только не задержатъ, но и дадутъ проводника за прогоны?

— Вполнѣ...

Миловидная дѣвушка принесла въ лодку соломы, положила сверху суровую простынь, подушку.

— Пожалуйте...

При дивномъ солнечномъ закатѣ отправляемся въ Березово.

Незамѣтно проходятъ 5 верстъ ѣзды по р. Тунгудѣ.

На пути канава.

— Какъ зовутъ?

— Не знаю.

— Кто копалъ?

— Тимошка.

— Зовите: Тимошкина...

Еще 6 верстъ по оз. Тунгуда и 7 в. по оз. Березово. Свѣтлая теплая ночь. Ласково дуетъ вѣтеръ. Нѣжно бѣгутъ волны. Ставимъ парусъ...

Березово—пожалуй, самая богатая деревня въ Карелiи—малокаменистая земля, хорошiй сѣнокосъ, богатыя рыбой озера, отличные лѣсные заработки, торговля...

Двухъэтажные каменные дома, министерское училище, старинная часовенка, черемухи, рябины.

Великолѣпный видъ на озеро, окаймленное песчано-золотистой полосою и немного далѣе ивешнымъ, сосновымъ лѣсомъ.

Случилось то, что должно было случиться. Въ Березовѣ не только не дали мнѣ подводы за прогоны, но еще задержали на 4 дня.

Горячился, начальствомъ стращалъ—ничто не помогало. И. об. десятскаго—горбатая 70-лѣтняя старуха, неизмѣнно повторяла:

— Рады бы спровадить, нѣту народу слободнаго, всѣ ушли до субботы на сѣнокосъ.

— А вы на всякій случай оповѣстите деревню.

Бѣлокурый, длинноволосый, лѣтъ пяти мальчуганъ, внукъ старухи, взялъ палку и побѣжалъ „колотить“ на сходъ.

Пришли: хромой 60-лѣтній старикъ, кривая сѣдая старуха, которая на мой вопросъ—сколько ей лѣтъ—отвѣтила: „Не помню, родимый, не помню“.

Немного позже пришелъ другой старикъ, которому было „восьмого десятка послѣдній годъ“.

Самымъ послѣднимъ пришелъ 5-лѣтній десятскій. Безъ штановъ, въ одной рубашкѣ, босикомъ, съ умазаннымъ лицомъ, съ волосами ниже ушей, онъ стоялъ на порогѣ, придерживаясь правой рукой за скобку двери, лѣвой подтирая носъ, и докладывалъ:

„Намби эй ни кенъ тулэ“ (Больше никто не придетъ).

Совѣщаніе началось...

Старуха молчала. Шестидесятилѣтній старикъ говорилъ:

— Я бы спроводилъ, пожалуй, до Юшкозера прямо по старой дорогѣ (60 в.). *)

— Но мнѣ не унести клади, а въ Чирко-Кемь (40 в.) я не знаю дороги!... **)

Придется вамъ жить до субботы...

80-лѣтн. дѣдъ тоже совѣтовалъ жить до субботы.

Молчала старуха.

И зачѣмъ я ихъ побезпокоилъ. Разумѣется, если бы зналъ, что придутъ такіе халѣки, не сталъ бы обращаться за содѣйствіемъ къ „десятскому“...

Десятскій стоялъ въ прежней позѣ съ той лишь разницею, что теперь лѣвой рукою держался за скобку, а правою, которая должно быть устала, подпиралъ носъ.

Кто-то дернулъ съ внѣшней стороны за дверь, и „представитель власти“ полетѣлъ затылкомъ впередъ... Поплакалъ, бѣдняжка немного, но, получивъ отъ меня гостинецъ, засіялъ отъ радости и побѣжалъ къ бабушкѣ...

Вѣчностью показались 4 дня.

Спасибо дѣду, которому было „8-го десятка послѣдній годъ“: каждый вечеръ приходилъ онъ ко мнѣ. Подолгу засиживались.

Разсказывалъ дѣдъ:

„— Раньше мы платили на Тильдозерскую станцію по 80 коп. съ души, потомъ выхлопотали себѣ свою станцію и возили начальство безплатно.

Боязливый народъ былъ. Увидитъ, бывало, слѣды отъ каблуковъ начальства,—прятается въ лѣсъ. А теперь—за прогоны никого не ве-

*) Старикъ говоритъ, что эта дорога—вѣтка къ Юшкозеру съ Екатерининскаго тракта, о которомъ рѣчь впереди. Говорятъ, что лѣтъ сто назадъ по этой дорогѣ ѣздили...

**) По намѣченному мною въ Архангельскѣ маршруту я намѣревался изъ Березова идти въ Чирко-Кемь, а затѣмъ по границѣ Архангельскъ и Олонец. губ. черезъ Кимосьозеро до Водосалмы—изъ Водосалмы въ Кондоку, въ Вокнаволокъ и т. д.

зутъ, станцію отъ казны просятъ. Мы, говорятъ, не обязаны возить за гроши.

Народъ Бога боялся, совѣсть имѣлъ, ни воровства, ни дракъ не было. Народъ добровольно подписки давалъ въ томъ, что вѣчно не будетъ ни ругаться, ни драться, ни вина пить...

Подписки хранились въ часовнѣ.

— А гдѣ теперь?

Дьячекъ въ озеро бросилъ, говоритъ:

„Зачѣмъ имъ тутъ валяться да мѣшать!!!“

Какъ жаль, что я не записалъ имя, отчество и фамилію почтеннаго дѣда, и вотъ почему: сколько мнѣ ни приходилось бесѣдовать въ Карелiи со старыми людьми о былыхъ дняхъ—я, кромѣ короткихъ отвѣтовъ: ничего не знаемъ, ничего не помнимъ, не получалъ. Правда, старики охотно разсказывали о своемъ экономическомъ прошломъ, но сразу закрывали ротъ, когда я задавалъ имъ вопросы о нравахъ, вѣрованіяхъ, суевѣріяхъ, гаданіяхъ, примѣтахъ, ворожбѣ, колдовствѣ, знахарствѣ, врачеваніи и т. д. Сознаюсь, что я задавалъ вопросы неумѣло, скажу болѣе, безтолково, но все-таки полагаю, что причина молчанія карелъ заключалась въ другомъ.

У меня получилось убѣжденіе, что карелы просто не хотятъ открывать *свою душу* первому встрѣчному человѣку не то изъ гордости, не то изъ недовѣрія и боязни.

Почтенный дѣдъ въ Березовѣ—буду его такъ называть—явился для меня той небольшой частичкой *клада, который я пошелъ искать*...

Ему достаточно было задать одинъ вопросъ, и онъ подробно отвѣчалъ все, что зналъ.

Продолжай, почтенный дѣдъ:

— „Вотъ тамъ. гдѣ стоитъ Лукинъ островъ (въ одной верстѣ отъ дер. Березово, островъ высокій, совершенно голый, есть старинная часовня), раньше была пустынь; много монаховъ жило. Пришли однажды шведы и подожгли пустынь. Монахи всѣ убѣжали, остались только трое—Пименъ да Логинъ—третьяго не помню.

Сами шведы говорили, что эти три монаха были праведны: не вышли изъ огня—все молились...

Теперь народъ не такой (дѣдъ часто повторялся), только и думаютъ о земномъ, обманываютъ другъ друга, надуваютъ. Вотъ, взять нашихъ мужиковъ. Отчего они богаты? Не оттого, что много работали, мы, старики, больше ихъ работали. Наши мужики разбогатѣли отъ продажи финскаго товару и—больше отъ торговли виномъ, не у себя дома, а въ Финляндіи...

Признаюсь, я очень удивился откровенности... Карелы, насколько я ихъ знаю, хитрый, скрытный, не болтливый народъ. Про карела нельзя сказать, что у него „что на умѣ, то и на языкѣ“.

— Какъ же они торгуютъ въ Финляндіи виномъ?

— Поѣдутъ сначала въ Сороку, купятъ возъ спирту, положатъ сверху немного селедокъ и отправляются. Торгуютъ подъ видомъ селедокъ. Обратно пріѣзжаютъ съ товаромъ...

Мы, старики, жили по-Божьи, честнымъ трудомъ, оттого ничего и не имѣемъ. У меня та же изба, въ которой жилъ мой прадѣдъ—маленькая, низенькая, съ небольшими окошечками... недавно придѣлана къ печкѣ труба.

Такихъ бѣдныхъ, какъ я, у насъ въ деревнѣ не стало. Теперь

избы строятъ въ два этажа, окна большія, все красятъ... Совсѣмъ другой народъ сталъ, перемѣнился.

Раньше работали за два рубля съ полтиной въ недѣлю, заводъ строили въ Сорокѣ Бѣляеву 50 лѣтъ назадъ—получали по три рубля въ недѣлю.

Теперь никакой мужикъ безъ полуторыхъ рублей въ день за дѣло не берется.

Вино раньше было по 10 к. бутылка—много было бы теперь покойниковъ...

На Мурманъ ходили за 12 рублей въ лѣто.

Рыбы было много, звѣря и птицы тоже.

Самолучшихъ сиговъ продавали по 3 к. за фун., теперь по 20—25 к.

Бѣлка была 5 коп. штука; рябчики 10 коп. пара, 1 шкура медвѣдя 10 руб., лисицы—3 рубля.

Много было оленей. Изъ одного ружья (старинный типъ) по 20 штукъ за зиму били.

Да, много было звѣря и птицы. Теперь нѣтъ. Разгнѣвался Богъ на грѣхи людей...

— Занимали ли вы, дѣдушка, какую-нибудь общественную должность на своемъ вѣку?

Какъ же, былъ не одинъ разъ десятскимъ, волостнымъ судьею.

— Не было ли въ вашей судебной практикѣ какого-нибудь интереснаго дѣла, случая?

— Чего говоришь?

Разскажите, какъ въ старину судили.

— Рѣдко въ старину судились, а если судились, такъ мы судьи больше къ миру клонили—такъ намъ приказалъ Коронатъ Васильевичъ, бывшій мировой посредникъ.

— Какъ, ребята, будете судить?--спрашиваетъ онъ насъ однажды.

— Не знаемъ какъ, Коронатъ Васильевичъ!

— Къ миру больше клоните...

Судили мы одинъ разъ мужика изъ нашей деревни за то, что онъ безъ пошлины рубилъ лѣсъ одному богатому помору. На судѣ поморъ отъ мужика отказался, говоритъ: „онъ не для меня рубилъ“.

Мы обсудили мужика на 3 сутки сидѣть да 5 рублей штрафъ заплатить.

Насъ за такой приговоръ Коронатъ Васильевичъ посадилъ на 24 сутки“...

— Приходите завтра, дѣдушка, сказалъ я въ пятницу вечеромъ почтенному дѣду и далъ ему серебряную монету.

— Нѣтъ! завтра некогда, въ лѣсъ пойду...

Почтенный дѣдъ подарилъ мнѣ на память тулирауда, пій, рикки, тагла—предметы, которыми въ старину добывали огонь.

Наступила суббота. Возвращались съ сѣнокоса мужики. Около полудня пришелъ десятскій.

— Я соберу народъ, но все равно за прогоны васъ никто не проведетъ“.

До Чирко-Кеми меньше 10 руб. никто не возьметъ; изъ Чирко-Кеми до Кимосьозера 70 вер. Съ васъ возьмутъ за карбасъ не меньше 25 р., а если придете въ понедѣльникъ, то и народу не будетъ дома“...

Сосчиталъ въ кошелькѣ деньги... 49 рублей. Что дѣлать?.. Предполагалъ на отпущенные 40 рублей обойти „всю Карелу“ (почти 1200 в.), а тутъ за 110 верстъ придется заплатить 35 рублей...

— „Вотъ что я вамъ посовѣтую, началъ десятскій. Идите сегодня до Куйковараки (15 в.), а завтра, въ воскресенье, Иванъ Евсеевичъ спроводитъ васъ въ Саповараку, а изъ Саповараки до Юшкозерскаго тракта всего 12 верстъ. Иванъ Евсеевичъ мужикъ хорошій, возьметъ недорого“...

Около трехъ часовъ отправляемся въ Куйковараку. Проводникъ торопится—надо поскорѣе вернуться домой, чтобы поспѣть въ баню. Мѣстами бѣжимъ. Дорога въ полномъ смыслѣ дорога, какъ карта. Это—Екатерининскій трактъ.

Екатерининскій трактъ—одинъ изъ тѣхъ немногихъ памятниковъ старины Карелiи, которые не только неизвѣстны за предѣлами Кемскаго уѣзда, но даже въ Карелiи. Забыли упомянуть о трактѣ (а можетъ быть не знали о немъ) составители извѣстной книги „Архангельская Карелія“, въ которой дорожныя нужды Карелiи выяснены довольно обстоятельно. Между тѣмъ, трактъ заслуживаетъ того, чтобы о немъ не только говорили, но, если можно такъ выразиться, вдохнули бы въ него жизнь, призвали бы къ службѣ...

Екатерининскій трактъ входитъ въ Архангельскую Карелію къ с. Ругозеро, Олонецкой губ., и идетъ по направленію къ г. Кеми—Компаково (28 дворовъ, въ 40 верстахъ отъ Гуговца), Марковой горѣ (17 двор., въ 8 верстахъ отъ Компакова), Березову (27 дв., въ 3 вер. отъ Марковой горы), Кевять-озеро (43 дв., въ 25 верст. отъ Березова), Афонино (Маслоз. вол. 22 дв., въ 10 вер. отъ Кевять-озера). Около Афонина слѣды тракта теряются. По всей вѣроятности, постройка тракта была доведена до этой деревни.

Въ настоящее время трактъ представляетъ изъ себя такую картину:

1) Первыя 8 верстъ отъ Ругозера до границы Арх. губ. имѣютъ 3-хъ саженную ширину и вполнѣ удобны для колесной ѣзды.

2) Слѣдующія 32 версты до дер. Компаково пролегаютъ боромъ-каменья очень мало, путь для колесной ѣзды невозможенъ, т. к. мѣстами на дорогѣ много валежнику, мосты на болотахъ выгнили, кромѣ того, $^2/_3$ ширины тракта (3 сажени вездѣ) заросли мелкимъ лѣсомъ.

3) Отъ Компаково до Березова трактъ находится въ такомъ же состоянiи, но удобенъ для пѣшаго сообщенія.

4) Отъ Березова до Кевять-озера ширина тракта вездѣ сажень, путь возможенъ для колесной ѣзды.

5) Отъ Кевять-озера до Афонина трактъ находится въ самомъ запущенномъ видѣ, почти неузнаваемъ.

На всемъ протяженiи тракта отъ с. Ругозера до Афонина сохранились крупные слѣды:

1) На трактѣ есть кое гдѣ верстовые столбы.

2) По бокамъ тракта груды камней.

3) На болотахъ остатки отъ мостовъ—три продольныя бревна на двухсаженной ширинѣ и рѣдко—поперечныя бревна.

Куйковарака.

— Вы Иванъ Евсеевичъ?

— Я.

— Мнѣ сказали въ Березовѣ и т. д.

— Пожалуй, спровожу.
— А сколько верстъ до Саповараки?
— Полсотни будетъ.
— Давно ли вы ходили по дорогѣ?
— По какой?
— Въ Саповараку.
— Нѣтъ дороги въ Саповараку, суземкомъ нужно идти.
— Знаете ли путь?.
— Справлю.
— А давно ли ходили въ Саповараку.
— 8 лѣтъ назадъ....
— Можетъ быть, забыли?....
— Не безпокойтесь, доведу.
— Сколько возьмете?
— Двѣ поденщины надо.
Во сколько цѣните поденщину?
— Теперь время страдное (думаетъ), день проходишь, возъ сѣна не накосишь, два дня—два воза, потомъ погоду упустишь..
— Въ сколько цѣните возъ сѣна?
— Въ 4 рубля.
— Значитъ, вамъ нужно 8 руб.?
— Нѣтъ, столько не возьму...
Сколько же?..
Взялъ сравнительно добросовѣстно.

Раннее утро.
Хозяйка Ивана Евсеевича давно на ногахъ.
Печка вытоплена, стряпня готова..
Изъ себя выходитъ на столѣ другъ русскихъ путешественниковъ.
Иванъ Евсеевичъ возится около чемодана. Наканунѣ онъ хотѣлъ нести чемоданъ въ рукахъ, утромъ передумалъ. Лучше будетъ, если лямки придѣлаю, руки слободны будутъ.
Усаживаемся за столъ.
„Пашево корельской стряпни“ – подноситъ хозяйка сначала колобовъ изъ житной муки, потомъ калитокъ (шанежекъ) съ пшеномъ и картофелью на тонкихъ подденахъ...
— Кладите молока, угощаетъ хозяинъ...
Приготовленія окончены.
Иванъ Евсеевичъ одѣваетъ мнѣ лямки и перевязываетъ противъ груди веревочкой, себѣ тоже.
У него за спиной чемоданъ, у меня корзинка.
13-лѣтній сынъ Ивана приноситъ двѣ трости.
Выбирайте.
Беру, которая покрасивѣе.
На минуту садимся въ большой уголъ, гдѣ помѣщаются иконы, встаемъ и по-старинному обычаю молимся.
— Досвиданія.
— Счастливо дойти.
Отворяю дверь, кошка навстрѣчу.
— Будетъ что-нибудь неладно, вернемся, посидимъ, упрашиваетъ Иванъ.
Сажусь.
— Надо, пожалуй, захватить ружье, неси-ко, женка.

Да, на всякій случай...

Снова молимся на этотъ разъ немного дольше и выходимъ на улицу.

---

5 часовъ утра. Дивный день.

Ласково смотритъ съ бездоннаго неба солнце на природу, на меня, на Ивана...

Ликуетъ природа. Смѣется серебристая ламбина, синій лѣсъ, зелень полей, трава, цвѣты. Груды камней, замѣняющихъ изгородь полей, и тѣ приняли какой-то праздничный видъ...

Радостное чувство охватываетъ душу.

Хочется сказать солнышку—какое ты милое, какое безпристрастное, передъ тобою всѣ равны, всѣхъ одинаково ты любишь, всѣмъ приносишь одно счастье.

Эка благодать то! не можетъ удержаться Иванъ.

Вѣрно: благодать, одно слово благодать.

Нужно перо Тургенева, чтобы нарисовать тѣ дикія картины природы, красивыя и величественныя въ своей дикости, которыя одна за другой открывались нашему взору на пути въ Саповараку. Нужно перо Толстого, чтобы выразить то душевное состояніе, которое я испыталъ въ этотъ счастливый день!

Въ этотъ день исполнилась моя давнишняя мечта—я узналъ, что такое суземокъ.

Я видѣлъ дѣвственный лѣсъ; громадныя сосны и ели, то дикія, неуклюжія, величественныя, то прямыя, граціозныя, пышныя, очаровательныя—высотою до небесъ.

Я дышалъ тѣмъ чистымъ ароматичнымъ лѣснымъ воздухомъ, которымъ дышатъ только жители лѣса...

Я любовался цвѣтами и зеленью, на которые не смотрѣлъ ни одинъ людской глазъ!..

Я пилъ тамъ невыразимо вкусный напитокъ, который можно встрѣтить только въ Карелiи, въ ея порожистыхъ рѣчкахъ, ручейкахъ, въ ея зеркальныхъ ламбинахъ и озерахъ, красиво раскинутыхъ подъ тѣнью нарядныхъ вѣковыхъ деревъ...

Въ путешествiи было интересно все—отъ начала до конца.

Сначала мы шли по ровной широкой тропѣ, которая тянулась вдоль куйковарацкихъ полей, окруженныхъ своеобразною карельской изгородью грудой камней. На первой полуверстѣ поля окончились. Не безъ труда взбираемся на „изгородь“ и осторожно спускаемся...

Немного ровнаго чистаго мѣста...

Первый крутой спускъ. Густой, мелкій, смѣшанный лѣсъ. Узкая извилистая тропа.

Немного ровнаго мѣста. Второй длинный, отлогій спускъ, узенькая тропинка, глубокіе коровьи слѣды.

Длинныя густыя сосны. Не видно солнца. Безъ числа мошки и комаровъ. Тропа мѣняетъ направленіе на каждомъ шагу и чѣмъ дальше—становится незамѣтнѣе. Немного ровнаго мѣста. Третій спускъ. Густой, густой лѣсъ, тропинка теряется. Пни, коренья, валежникъ. Чуть-чуть видно небо. Холодно. Идемъ молча. Иванъ впереди... Выходимъ на болото.

Болото...—Гладкая зеленая моховина, кое-гдѣ клочье, пріютившее одну—двѣ тощихъ сосенки. Свѣтло, но солнца не видно. Тропы ника-

кой. Подъ ногами трясется. Вязьнемъ чуть не до колѣна. Кругомъ свѣтлыя точки—это бездонныя озера.

— Ступай за мной, въ сторону не ходи, завязнешь, не вытащить будетъ,—даетъ наставленіе проводникъ.

— Ладно, а у самого на умѣ—лучше бы не стращалъ...

— Поразительно густой, высокій, дремучій лѣсъ. Едва замѣтна узенькая тропинка. Кучи валежнику. Мѣстами отъ вывороченнаго съ корнемъ лѣсу нѣтъ проходу. Ныряемъ подъ лѣсъ у самаго корня, если это возможно, шагаемъ черезъ сосны и ели, если онѣ не очень густы, но больше—обходимъ.

Та же моховина, что и на болотахъ, только мягче, какъ бархатная,—не водянистая, не грязная. Идти тяжело. Вспоминаю о корзинѣ. Сразу становится какъ-то неловко. Поднимаемся на холмъ.

— Узенькая, кривулистая тропиночка тянется кверху. Прямыя, какъ стволъ ружья, высокія сосны. Нѣтъ, нѣтъ и покажется солнце. Немного теплѣе. А лѣсу то, лѣсу, сколько лѣсу...

Вершина холма—всюду глыбы, обросшія мохомъ, земля твердая. Идемъ ходко, мѣстами подбѣгаемъ, прискакиваемъ. Лѣсъ рѣдкій. Далеко видать кругомъ. Милѣе прежняго смотритъ солнышко. Тихо. Кое-гдѣ по сторонамъ ламбины—свѣтлыя, блестящія—въ бархатной оправѣ.

Спускаемся къ ручейку. Густой кустарникъ. Ручеекъ—клокочетъ, бурлитъ, лепечетъ, подпрыгиваетъ—„падуны“ на каждомъ шагу.

— Напьемся.

— Пожалуй, не то...

Проводникъ наклоняется на лѣвое колѣно и черпаетъ воду пригоршней правой руки. Я тоже.

Разъ, два, три...

— Нѣтъ, такъ до вечера не напиться—слишкомъ мало попадаетъ въ руку воды.

Иванъ снимаетъ шапку и черпаетъ...

— Буди желаешь, такъ на—пей изъ шапки...

Притворяюсь, что не слышу.

Вода изъ шапки быстро вытекаетъ. Черпаетъ второй разъ и пьетъ. Какъ просто, удобно, хорошо!

Мнѣ такъ не хочется. Снимаю корзину, ложусь на камень къ самому „падуну“ и по способу четвероногихъ... Да здравствуетъ простота!

11-я верста. Миніатюрная тропа.

— Кто по ней больше ходитъ, медвѣдь или человѣкъ?

— А Богъ ее знаетъ, пожалуй, медвѣдь протопталъ.

— Скоро ли рѣчка?

— Скоро будетъ Посмотри-ко на часы.

— 9.

— А сколько верстъ прошли?

— Съ десятокъ.

— Это выходитъ по двѣ съ половиной версты въ часъ.

— Да около того.

— Совершенно неожиданно показывается рѣчка — мелкая, узенькая, каменистая, вся въ цвѣтахъ, въ зелени, кругомъ смѣшанный непроходимый лѣсъ. Дикая прелесть!..

На берегу рѣчки дырявая лодка.

— Что вы хотите дѣлать?

— Поправлять лодку.

— Зачѣмъ?
— Поѣдемъ.
— Въ этой лодкѣ?
— Да.
— Но она вся разбита...
— Какъ-нибудь починимъ.
— Много ли придется ѣхать?
— Верстъ 15.
— 15 верстъ въ дырявой лодкѣ?
— Да.
— Что же вы объ этомъ мнѣ не сказали раньше?
— Въ умъ не пало...

Кипитъ работа. Иванъ „конопатилъ“, я подносилъ мохъ.

— Готово!
— Берись-ко.

Лодка на водѣ.

— Есть течь?
— Немного!
— Великолѣпно!
— Чево?..
— Неси чемоданъ и корзину.

Устроились, усѣлись. Иванъ на носу, я на кормѣ. У обоихъ въ рукахъ по шесту.

Господи, благослови.

Дружно отпехиваемся. Носъ лодки упирается въ противоположный берегъ.

— Не шибко.
— Тутъ, пожалуй, не поворотиться.
— Ничего, какъ-нибудь. Поѣхали.

Дальше пяти саженъ воды не видать. Рѣчка положительно утопаетъ въ зелени, въ цвѣтахъ, постоянно повороты.

— Стой, погоди, тутъ все камни,—командуетъ съ носу Иванъ, придется лодку тянуть.

„И не хочетъ, да сама пойдетъ... Ура...!“

Перескакиваемъ съ камня на камень, лодка поддается.

Опять усаживаемся. Рѣчка становится замѣтно шире. Путь свободнѣе.

Точно на зло потекла лодка. Не понравилось ей, что протащили по камнямъ.

Иванъ работалъ шестомъ, я отливалъ берестяной коробкой воду.

При другихъ условіяхъ отливаніе воды—работа не изъ пріятныхъ, но въ данномъ случаѣ совсѣмъ другое дѣло!

Выѣзжаемъ въ ламбину. Ламбина—серебристая гладь, утки, горы, всюду цвѣты, зелень, кругомъ могучій высокій лѣсъ. Живописное величіе, невыразимая картина, съ которой можетъ сравниться только небо съ его луной, съ милліонами звѣздъ. Еще немного и озеро.—Ширь, даль, блескъ, спокойствіе, миніатюрные островки, пріютившіе пятокъ, десятокъ красиво нагнувшихся къ водѣ сосенокъ.

Часъ дня. Знойно. Опять рѣка „съ непроѣзжимъ порогомъ“.

— Здѣсь остановимся, дальше трудно лодку перетянуть.

Лодка на берегу, корзина и чемоданъ на клочѣ, мы съ Иваномъ на другомъ. У обоихъ на лицѣ потъ.

— Выкупаемся, старина!

— А, пожалуй.

Иванъ идетъ въ озеро, я въ порогъ.

Длина порога 10 саженъ, ширина сажень, глубина аршинъ.

Хорошо купаться въ рѣкахъ съ гладкимъ золотистымъ дномъ и берегами, хорошо купаться въ озерахъ между цвѣтами, но купаться въ порогахъ, разумѣется, небольшихъ—блаженство.

— Теперь закусить надо.

— Давно объ этомъ думаю.

На одномъ изъ клочей разстилаю газету. Иванъ развязываетъ платокъ и достаетъ—1/2 дюжины калитокъ, горсть колобовъ и сиговую кулебяку.

Подчуетъ. Не отказываюсь.

Угощалъ старика „бѣлымъ"—не беретъ.

— Намъ не въ привычку... и достаетъ ряпушку.

Ѣстъ медленно, гложетъ каждую косточку, часто пьетъ воду, которую тутъ же рядомъ черпаетъ пригоршней изъ озера...

Привязываемъ другъ другу поклажу и—дальше.

Холмики, ручейки, дремучій лѣсъ. Беретъ устатокъ.

— Далеко ли еще?

— 12 верстъ...

— Отдохнемъ.

— Давай, теперь еще верста и Юшкозерская волость пойдетъ...

— Далеко ли еще?

— Верстъ одиннадцать.

— Отдохнемъ.

— Давай...

— Далеко ли еще?

— Верстъ десять съ половиной будетъ.

— Отдохнемъ.

— Давай...

Финская Карелія.

Юшкозерская, Кондокская, Вокнаволоцкая, Ухтинская и Тихтозерская волости. *)

Саповарака—одна изъ высокихъ варакъ Карелiи. Великолѣпный видъ на окружающую даль, на рѣку Сапо, на ламбину, на причудливую форму громадной площади лѣсныхъ верхушекъ.

12 новенькихъ избъ, недурныя поля, хорошіе лѣсные заработки.

Старинный деревянный восьмиконечный крестъ и кругомъ него три высокихъ могучихъ ели, на которыя смотрѣть—не насмотрѣться.

Хозяинъ квартиры, гдѣ мы остановились—именинникъ. Налаженность. Хорошо поужинали. На 1-е подали кулебяку изъ щуки, на 2-е—мясной супъ, на 3-е—мясо вареное, на 4-е—прѣсное молоко съ творогомъ, на 5-е—блины, на 6-е—кисель изъ ржаной муки.

Приведенное „меню" изысканный, праздничный столъ карелъ.

— Пиши—хорошо живемъ, говорилъ хозяинъ за столомъ,—въ лѣсу—на вывозкѣ бревенъ зарабатываемъ, на сплавѣ—рыбу ловимъ для продажи... а желаемъ еще лучше жить... дорогу ждемъ...

Д. Саповарака находится на проэктируемомъ Кемь-Юшкозерскомъ трактѣ, имѣя по направленію къ г. Кеми—въ 40 верстахъ с. Панозеро,

---

*) Архангельской губ. *Ред.*

по направленію къ Юшкозеру—въ 23 верстахъ с. Юшкозеро. Къ настоящему времени изъ Панозера до Саповарака прорублена лишь просѣка, отъ Саповараки до Юшкозера есть дорога, возможная для верховой ѣзды...

Проводить до Юшкозера по дорогѣ никто не согласился.

— Поздно, да и лошадей нѣту близко.

— Свезите въ Сапосалму.

— Можно.

Двѣ молоденькихъ сестры, изъ которыхъ старшая имѣла райское имя—Зина, переобулись изъ гаманъ въ сапоги, одѣли, вмѣсто бѣлыхъ бумазейныхъ платковъ—такіе же дешевые, ситцевые, подоткнули чуть не до колѣна изъ клѣтчатой, цвѣтной, финской холстинки сарафаны, подхватили мой багажъ и—бѣгомъ, намѣреваясь къ часу, къ двумъ ночи вернуться домой, чтобы къ 5—6 часамъ утра быть готовыми къ работѣ... Насилу поспѣвалъ...

На 3-й верстѣ сѣли въ лодку и поѣхали по небольшой спокойной р. Сапо.

Чуть не со всего свѣта комары провожали насъ.

Бѣдныя дѣвушки—руки у нихъ были заняты и онѣ не имѣли возможности оказывать сопротивленіе „маленькимъ нахаламъ“. На хорошенькомъ, симпатичномъ лицѣ Зины, которая сидѣла на кормѣ и правила, была кровь, другая сестра гребла съ завязаннымъ лицомъ... Помучились версту, другую, наконецъ, Зинѣ стало не вмоготу, и пристали къ берегу. Положили въ корму лодки четыре камня, наносили валежнику, вересу и подожгли... Такъ всю дорогу и ѣхали—съ огнемъ, въ дыму, но зато безъ комаровъ.

Сапосалма. 12 часовъ ночи. Ворота на станціи не закрыты. Вхожу, какъ въ собственный домъ.—Ни собакъ, ни людей...

На станціи двѣ комнаты. Спальня отдѣльно. Мягкая постель... гора подушекъ.—Наконецъ-то! Непремѣнно просплю до 10 часовъ... Имѣю право на это,—какъ-никакъ—прошелъ за день больше 60 верстъ!

Сильный стукъ...

— Кто тамъ?

— Я.

— Кто вы?

— Содержатель.

— Что вамъ угодно?

— Вставай, поѣдемъ!

— Который часъ?

— Четвертый.

„Демонстративно“ поворачиваюсь на другой бокъ и хочу забыться...

Т-р-р-р...

— Кто тамъ?

— Я.

— Кто вы?

— Содержатель?

— Что вамъ угодно?

— Вставай, попутчики есть...

— Послушайте, содержатель, если вы еще разъ стукнете, напишу на васъ жалобу, а дверей въ спальню не открою и сейчасъ не поѣду...

Выспался хорошо. Содержатель извиняется.

— Прости, думалъ какой-нибудь пьяный урядникъ пріѣхалъ...

Въ первый разъ въ Кареліи пришлось услышать имя И. В. Со-

сновскаго. Добрымъ словомъ вспоминаютъ жители Сапосалмы уважаемаго сановника.

— „Былъ у насъ 4-го лѣта (въ 1909 г.) губернаторъ, такой хорошій—съ каждымъ мужикомъ говорилъ, дорогу сулилъ, обязательно, говоритъ, будетъ черезъ три года...

Царь, говорятъ, взялъ того губернатора къ себѣ, а чиновники не сказали новому губернатору, что мы живемъ безъ дорогъ, оттого намъ и не строятъ дороги“...

Д. Сапосалма стоитъ у рѣки Кемь при впаденіи въ нее р. Сапы,—есть часовня, министерское училище.

Мужики бойкіе, обрусѣлые, зарабатываютъ больше „отъ лѣсу“.

Большой карбасъ, набитый соломой мѣшокъ, подушка. 4 гребца, кормщикъ.

Отъ Сапосалмы до Юшкозера по р. Кемь на разстояніи 12 верстъ два большихъ порога.

— Потому и много гребцовъ, объясняетъ кормщикъ.

Тяжелая работа выпадаетъ на долю гребцовъ въ порогахъ... Порогъ близко. Теченіе быстрѣе. Подвигаемся (противъ воды) медленнѣе. Возлѣ берега каменисто, мелко.

Бойко, проворно выскакиваетъ изъ карбаса одинъ изъ гребцовъ, имѣя въ рукахъ конецъ бичевки, другой конецъ которой прикрѣпленъ къ носу карбаса.

Минута—и гребецъ перескакивая съ камня на камень—на берегу. Выскакиваютъ—другой гребецъ, третій, четвертый, карбасъ подтягиваютъ къ берегу. Выхожу, снова карбасъ въ трехъ саженяхъ отъ берега; въ немъ одинъ кормщикъ.

— Тяни, ребята,—командуетъ кормщикъ; 8 здоровыхъ рукъ подхватываютъ бичевку и черепашьимъ шагомъ подвигаются впередъ—въ иныхъ мѣстахъ по-колѣно бредутъ въ водѣ, въ другихъ—чуть вытаскиваютъ ноги изъ грязи.

Чѣмъ дальше—напоръ воды сильнѣе. Дрожитъ лодка, мечется то въ ту, то въ другую сторону. Кормщикъ—весь вниманіе. Передъ нимъ трудная задача,—нужно какъ можно искуснѣе лавировать между камнями, чтобы не наскочить на скрывающіяся подъ водой глыбы.

Юшкозеро—широкое, далекое съ отлогими песчаными берегами, окаймленными густымъ лѣсомъ озеро Юшко, небольшая тихая, мелководная рѣчка Чирко Кемь, при впаденіи которой въ оз. Юшко, не скажу пріютилось, красиво расположилось болѣе сотни избъ, наполовину сѣдыхъ, но бодрыхъ—не покосившихся, не развалившихся.

Хорошо обставленное министерское училище.

Единственный въ Кареліи ф.-акушерскій пунктъ, но пока... безъ лѣкарствъ.

Зданіе училища—великолѣпный особнякъ *), ф.-акушерскій пунктъ помѣщается въ частномъ домѣ... съ тараканами, съ клопами и... другими удобствами карельскихъ домовъ.

Волостное правленіе, какъ и всѣ правленія Кареліи, съ почтовыми операціями. Почта приходитъ разъ въ недѣлю.

Крестьяне выписываютъ 2—3 финскихъ газеты въ 5—6 экземплярахъ...

Русскіе: священникъ, учитель, акушерка, псаломщикъ, кондукторъ,

*) Въ центрѣ села, съ небольшимъ участкомъ земли.

писарь, урядникъ.—Изъ газетъ—„Колоколъ“, „Сѣверное Утро“, „Архангельскъ“ „Современное Слово“, изъ журналовъ – „Ниву“...

Печально, что на отмѣченныя изданія расходуются только священникъ да учитель, остальная „интеллигенція“ все еще „собирается что-нибудь выписать“...

Въ отличіе отъ Лѣтне-Копецкой и Тунгудской вол., Юшкозерская волость, а также—Кондокская, Вокнаволоцкая, Ухтинская и Тихтозерская, какъ я уже имѣлъ случай отмѣтить выше, болѣе тяготѣютъ къ Финляндіи и называются „Финской Карелiей“.

Разница между Сороцкой Карелiей и Финской въ общихъ чертахъ сводится къ слѣдующему.

1) Въ то время, какъ среди Сороцкихъ карелъ трудно найти мужчину или женщину, которые бы не говорили по-русски, совсѣмъ не понимали русской рѣчи, среди Финской Карелiи понимающихъ русскiй языкъ сравнительно немного, а умѣющихъ болѣе или менѣе правильно говорить—жалкiе десятки.

2) Постройка въ Финской Карелiи чище, лучше, часто встрѣчаются крашеные дома, въ Сороцкой Карелiи наряду съ новенькими пятистѣнными домами встрѣчаются такiя убогiя лачуги, которымъ, кажется, только „три дня до смерти“.

3) Одежда финскихъ карелъ приличнѣе, дороже, покупается, разумѣется, въ Финляндiи. Въ Финской Карелiи можно встрѣтить молодежь въ такихъ щеголеватыхъ костюмахъ, шляпахъ, ботинкахъ, въ которыхъ не ходятъ не только крестьяне Сороцкой Карелiи, но и интеллигенцiя.

4) Въ Сороцкой Карелiи финскiй языкъ знаютъ немногiе, изъ финскихъ пѣсенъ, сказокъ и т. д. знаютъ небольшiе отрывки,—поютъ больше русскiя „частушки“, разсказываютъ поморскiя сказки—въ Финской Карелiи финскiй языкъ знаютъ не хуже своего *), пѣсни, свадебныя причитанiя и все остальное въ этомъ отношенiи—позаимствовано у финновъ...

Когда-нибудь объ этнографической разницѣ С. и Ф. Карелiи, набросанной мною сейчасъ грубо, бѣгло, поверхностно, неполно, остановлюсь особо, а теперь нѣсколько словъ объ экономическомъ положенiи финскихъ карелъ.

Житница Ф. Карелiи, ея золотое дно, это всѣмъ уже извѣстно—Финляндiя. Каждое лѣто съ конца августа отправляется изъ Ф. Карелiи въ Финляндiю отъ 1500—2000 **) человѣкъ. Идутъ мужчины, женщины (мало), подростки. Громадное большинство карелъ занимаются въ Финляндiи разносной торговлей– торгуютъ мануфактурой и разной мелочью,—меньшинство на наличные „отъ себя“, большинство отъ „хозяевъ“—по довѣрiю. Небольшая часть карелъ нанимается временно на фабрики, на земледѣльческiя работы и т. д.

Средній заработокъ карелъ въ Финляндiи съ сентября по апрѣль, когда они возвращаются на домашнiя полевыя работы—200—300 руб. Семужьимъ промысломъ и отхожимъ—на Мурманѣ, въ Ф. Карелiи не занимаются, а заготовка и сплавъ бревенъ наряду съ отхожимъ промысломъ въ Финляндiю—занимаютъ второе мѣсто.

Заработокъ отъ „лѣсу“ годъ на годъ не приходится. Если заготовка недалеко отъ деревни, мѣсто для вывозки бревенъ ровное, удоб-

*) Кто ходитъ въ Финляндiю. *Авт.*

**) Гораздо больше. *Ред.*

ное, лѣсъ густой, цѣны не ниже средней, рубщикъ, кормщикъ и возчикъ съ лошадью зарабатываютъ въ день отъ 4 до 6 р.

С. Юшкозеро будучи расположено при двухъ длинныхъ водныхъ артеріяхъ, захватывающихъ громадный лѣсной районъ, находится въ отношеніи заработковъ по лѣсной заготовкѣ и сплаву бревенъ въ болѣе лучшихъ условіяхъ, чѣмъ другія дер. Ф. Карелін. Это обстоятельство въ значительной степени повліяло на отхожій—въ Финляндію промыселъ юшкозеръ, а также кр—нъ Юшкозерской волости.

Почти каждый годъ заготовка лѣса у юшкозеръ „подъ руками". Несмотря на хорошіе заработки, жители с. Юшкозера живутъ небогато. Единственная мелочная лавка въ с. принадлежитъ одному изъ кемскихъ купцовъ.

Съ установленіемъ пароходнаго сообщенія между Юшкозеромъ, Ухтой и Вокнаволокомъ (и оз. Куйто), съ проведеніемъ Кемь-Юшкозерскаго пункта, съ устройствомъ дороги у юшкозеръ къ границѣ Олонецкой губ. с. Юшкозеро безспорно разовьется въ большой богатый, торговый центръ, а пока Юшкозеро такая же забытая Богомъ и людьми деревушка, какъ и вся Карелія...

Имѣлъ случай наблюдать въ Юшкозерѣ обрядъ вѣнчанія—къ сожалѣнію, пришелъ поздно...

Небольшая, выкрашенная, чистенькая церковь. Прохладно, свѣтло. Весело играетъ лучъ солнца на подсвѣчникѣ. Точно вкопанные стоятъ женихъ и невѣста. Женихъ не сводитъ глазъ съ царскихъ вратъ, невѣста смотритъ на полъ. Женихъ—въ лакированныхъ сапогахъ, въ галошахъ, въ приличной финской тройкѣ, „при часахъ, при галстукѣ". Невѣста—въ гамашахъ, въ широкомъ темно-коричневомъ гарусномъ сарафанѣ.....

Крестный, крестная, мать, отецъ—поручители...

Изъ посторонніхъ никого—былъ рабочій день.

..... „Имѣешь ли произволеніе благое и непринужденное—поятн себѣ въ жену, юже предъ собою видиши".

— Такъ точно!

— Не обѣщался ли иной?

— Никакъ нѣтъ!..

Невѣста на предложенные вопросы чуть-чуть шевелила губами...

Съ большимъ подъемомъ пропѣлъ псаломщикъ Исаія ликуй... многая лѣта. Священникъ сказалъ слово назиданія. Молодые поцѣловались и направились къ выходу. Плетусь сзади... Горькое разочарованіе. Свадебная кампанія усаживается въ карбасъ и уѣзжаетъ въ сосѣднюю деревню за 12 верстъ.

На улицѣ жарко, въ избѣ душно...

Подводу, въ лѣсъ!

Станціонный путь изъ Юшкозера идетъ въ двухъ направленіяхъ—одинъ по озеру Куйто черезъ дер. Лусалма,—по Ухтѣ, другой черезъ Письмо губу по границѣ Олонецкой губерніи до дер. Водосалмы, гдѣ сворачиваетъ къ с. Кондокѣ и проходитъ далѣе черезъ Вокнаволокъ къ той же Ухтѣ.

Второе направленіе какъ разъ отвѣчало намѣченному мною маршруту, отъ котораго пришлось отказаться въ Березовѣ...

Долго пришлось просить содержателя станціи дать лошадь до Письмо губы.

— Дорога худая, не добраться на лошади...

— Если „не добраться“, вернемся обратно...

Добрались преблагополучно. Всѣ 35 верстъ отъ Юшкозера до Письмо губы можно ѣхать верхомъ. Мѣстами дорога положительно хорошая—ни камней, ни валежнику, ни коренья—одинъ песокъ...

— Почему содержатель обманывалъ—обращаюсь къ проводнику.

— Не ѣздитъ у насъ никто въ эту сторону лѣтомъ, кромѣ попа, да старшины съ писаремъ.

Письмо губа.—Небольшая, сравнительно зажиточная деревушка, раскинутая версты на двѣ по извилистымъ берегамъ губы Письмо—при оз. Нокко.

Министерское училище, новенькая церковь—тоже безъ причта.

— На свои средства выстроили церковь, разсказываютъ мужики. Долго деньги копили. Жертвовали, кто чѣмъ могъ—рыбой, птицей. Въ тѣ годы, когда медвѣди обидѣли скотину, сообща били медвѣдей и деньги, вырученныя отъ продажи шкуръ, клали на церковь. Теперь у насъ церковь выкрашена, съ особымъ удовольствіемъ сообщаютъ мужики. Будемъ строить домъ священнику. Своего намъ надо попа...

Каково живете?

Слава тебѣ, Господи,—рыбы ловимъ порядочно, звѣря и птицы Богъ даетъ. Хлѣба хватаетъ до Рождества (нужно понимать, что надолго), земля малокаменистая (2-я счастливая дер. послѣ Березова). На вывозкѣ бревенъ и на сплавѣ зарабатываемъ хорошо.

Въ Финляндію ходятъ изъ деревни человѣкъ 15.

Случайно узнаю, что у одного старичка есть „староколѣнныя книги“ (одинъ псалтырь).

...Продай!

Что вы, что вы, заговорилъ дѣдъ, продать книгу—значитъ, продать отца и мать.

Озеро Нокко принадлежитъ къ числу большихъ озеръ Карелiи. Длина озера верстъ 40, наибольшая ширина верстъ 15. Красивую картину представляетъ Нокко въ тихій, лѣтній, солнечный день. Всюду острова и островки—всюду далеко просвѣчивающія полоски воды, а кругомъ высокою стѣной—могучій сосновый лѣсъ.

30 верстъ ѣзды по озеру Нокко и дер. Ногеукса. Когда смотришь на карту Карелiи, въ частности на границуея съ Олонецкой губ., думаешь: вотъ тутъ, навѣрно, самыя захолустныя деревушки, разъ эти деревушки отстоятъ другъ отъ друга на 30—40 верстъ.

Ничего подобнаго.

Деревня, расположенная по лѣвому (архангельскому) берегу оз. Нокко-Письмо губа, Ногеукса и далѣе по Кимань-озеру—Кимасъ-озеро—наиболѣе обрусѣлыя въ Финской Карелiи. Взять напр. Ногеуксу—чистенькіе дома, обшитые крашенные углы, узорчатые окна...

Диваны, стулья, кресла, комоды... все финское и въ то же время правильная русская рѣчь, интеллигентный выговоръ, умѣнье принять чужого человѣка.

Вотъ, что значитъ жить поблизости отъ культурной сосѣдки.

Въ пяти верстахъ отъ Ногеуксы—вверхъ по теченію рѣки Каменной, соединяющей оз. Кимасъ съ Нокко, забытый, заброшенный Мининскій каналъ.

Рѣка Каменная кривулиста и порожиста. Каналъ находится при одномъ изъ поворотовъ рѣки. Длина поворота около 1½ верстъ, разстоя-

ніе по прямой линіи равно 118 саженямъ, разница въ уровнѣ воды между началомъ и концомъ поворота (2 порога) около 2 саженъ.

Такъ какъ р. Каменная выходитъ изъ оз. Кимасъ, которое на протяженіи всей длины - 15 верстъ, имѣетъ мелководные берега, много заливовъ, по устройствамъ канала предполагалось осушить часть оз. Кимасъ съ цѣлью образованія на берегахъ его сѣнокосныхъ угодій для крестьянъ.

Въ настоящее время каналъ находится въ слѣдующемъ видѣ:

1) На протяженіи 54 саженъ (считая отъ устья) каналъ имѣетъ глубину сажени 2, ширину на днѣ аршинъ пять, вверху аршинъ 15.

2) Съ 55 сажени начинается каменная гряда. Первыя—28 саж. каменной гряды имѣютъ глубину около $4^1/_2$ аршинъ, далѣе на протяженіи 29 саженъ—около $1^1/_2$ аршина. Ширина К. какъ внизу, такъ и вверху постепенно суживается.

3) Послѣднихъ семи саженъ не коснулся ни топоръ, ни лопата, ни ломъ.

Мой проводникъ, сѣдобородый старикъ, участникъ работъ по устройству канала, разсказывалъ:

— Строился каналъ пять лѣтъ. Это было 40 годовъ назадъ. Денегъ израсходовано 13 тыс. Деньги Мининъ (мѣстный уроженецъ, петербургскій купецъ—теперь умершій) отпускалъ по частямъ—каждое лѣто тысячи по 2, по 3.

Насъ, мужиковъ, работало до 100 человѣкъ. Употребляли въ дѣло ломы, тачки, порохъ (около канала груды камней).

— Кто руководилъ работой?

— А никто, сами мы сообща все дѣлали...

— Почему не окончили работы?

— Денегъ не стало... Мининъ пожертвовалъ 25 тысячъ, мы остальныхъ не получили (д. б. отъ 1 изъ душеприказчиковъ Минина).

... Желали бы мы теперь докончить работу, да не знаемъ, гдѣ взять на расходъ. Ежели бы вода пала сажени на $1^1/_2$—мы получили бы около тысячи десятинъ сѣнокосу... 5 лѣтъ назадъ пріѣзжалъ къ намъ одинъ финляндскій инженеръ. Посмотрѣлъ инженеръ каналъ и говоритъ: „Дайте 4 тысячи, такъ окончу работу. Мы сказали, что дали бы больше, да нѣтъ ни гроша“...

Въ 10 верстахъ отъ Ногеуксы д. Кимасъ-озеро. Путь такой—5 верстъ пѣшкомъ по отличной тропѣ, $^1/_2$ по ламбинѣ (у дер. Малой Нонуксы), 1 верста по хорошей, широкой дорогѣ и $3^1/_2$ версты по оз. Кимасъ.

Кимасъ-озеро—двѣ деревни. Одна большая—на лѣвомъ берегу озера принадлежитъ къ Арханг. губ., другая—къ Олонецкой губерніи. Разстояніе между деревнями $^1/_2$ версты.

На Олонецкой сторонѣ церковь, фельдшерскій пунктъ. Отсюда начинается трактъ, который, проходя черезъ Ругозеро (95 верстъ отъ Кимасъ-озера) и Паданы (113 верстъ отъ Ругозера), тянется по направленію къ г. Повѣнцу.

На Архангельской сторонѣ извѣстное въ Карелiи Мининское училище, выстроенное и содержащееся на средства умершаго купца Минина... Интернатъ, сапожная мастерская...

2 большихъ класса, кухня, столовая, отдѣльныя для мальчиковъ и дѣвочекъ спальни, для одного учителя 3 комнаты, для другого—двѣ...

Вездѣ просторно, свѣтло, гигіенично...

Живутъ въ Кимасъ-озеро безбѣдно. Заработки тѣ же, что и въ Письмо губѣ,—только земля хуже—за то Финляндія ближе...

Любезный народъ содержатели захолустныхъ земскихъ станцій въ Карелiи—не то, что на „трактахъ“... Не успѣешь на какую-нибудь трактовую станцію, что называется затянуть ночь, а „самъ“ или „сама“ ужъ изъ себя выходятъ.

... „Опять чортъ несетъ какого-то“...

На захолустныхъ станціяхъ содержатель—отецъ родной: встрѣтитъ ласково, напоитъ, накормитъ лучшимъ, что имѣетъ, а станешь расчитываться—беретъ половину.... приговаривая: „Мы видали людей“...

Первый дождливый день за все время путешествія. Ѣхать не хочется, оставаться и ждать погоды... не привыкъ.

— Ну такъ, какъ, г. учитель?

— Ѣдемъ.

Новенькій, аккуратный карбасъ, два гребца, кормщикъ, будка, постель, одѣяло, подушка... Идеальная станція!

Пятую версту отъѣзжаемъ отъ деревни, а училище все еще видать. Громадное, двухъэтажное, бѣлое, точно каменное, среди зелени полей оно выглядитъ положительно красиво. Держимся въ 30—50 саженяхъ отъ берега—ближе нельзя—мелко, травянисто.

У кормщика съ собой дорожка, котелъ.

— На всякій случай, бывать рыба попадетъ, уху сваримъ, дорога дальняя—ѣсть захочется...

Интересными и незамѣтными показались 12 верстъ ѣзды по Кимаксъ озеру. Рыба бралась за дорожку постоянно...

Слѣдующія 7 верстъ нужно ѣхать по р. Средняя Каменная. На рѣкѣ нѣсколько пороговъ—небольшихъ въ смыслѣ паденія воды, но длинныхъ и крайне неудобныхъ для передвиженія въ карбасѣ.

Начинало темнѣть, когда мы вышли на берегъ передъ первымъ порогомъ. Мелкій дождикъ, немного холодно, грязно, вездѣ сыро.

— Вы идите прямо, обращается ко мнѣ кормщикъ, указывая на тропу. По берегу дальше тропы нѣтъ, придется брести водой.

— Сколько по тропинкѣ?

— Полверсты.

— А кругомъ?

— Верста.

— Вы недолго.

— Хорошо.

10 шаговъ отъ берега.

Не видно ни людей, ни рѣки. Сливающійся съ облаками лѣсъ. Шумно. Темно. Тропинка едва замѣтна. Иду наугадъ.

Жутко, но вмѣстѣ съ тѣмъ пріятно... Я одинъ... Кругомъ такъ дико...

Вѣчностью показались полчаса ожиданія гребцовъ... Кричалъ... Голосъ замиралъ въ 3 шагахъ... Пошелъ навстрѣчу... Вездѣ вода...

Снова всѣ въ карбасѣ. Обмѣниваемся впечатлѣніями. Часъ ѣзды и опять порогъ.

Широкая полоса слизистыхъ камней—большихъ, маленькихъ, высокихъ, чуть-чуть выглядывающихъ изъ подъ-воды.... мелкій кустарникъ, а далѣе—густой лѣсъ. Тропинки между кустарникомъ и камнями нѣтъ. Кормщикъ и гребцы бредутъ водою, ступаютъ межъ каменьевъ, чтобы не поскользнуться, и тащатъ за собой карбасъ.

Перескакиваю съ камня на камень.

Разъ, два, разъ, два...

Какъ хорошо, если бы не темно и не скользко.

Разъ, два, разъ...

Бух...

Взрывъ смѣха... Больше всѣхъ смѣется 15-лѣтній сынъ кормщика. Забавно ему, что я выкупался въ одеждѣ...

Кормщикъ утѣшаетъ. Ничего, еще немного, рѣка кончится, разведемъ огонь, обсушимся...

Почти на исходѣ порога кормщика постигла та же участь. Онъ упалъ на бокъ и сильно ушибъ ногу.

„Не смѣйся чужой бѣдѣ"!...

Полночь конца іюля... Мы немного выше порога, на гладкомъ чистомъ берегу—у боровой избушки. Въ избушкѣ сыро, грязно. Условливаемся ужинать подъ открытымъ небомъ. Одинъ изъ гребцовъ чиститъ рыбу, другой собираетъ дрова. Кормщикъ берется за спички...

— Ничего ребята не будетъ... Подмокли спички.

— Ну-ко я, ну-ко я,—коробокъ обходитъ всѣ руки, но достать огонь никому не удается.

Всѣмъ становится сразу какъ-то неловко. Вспоминаю, что у меня въ чемоданѣ есть 1—рикки, тулирауда, тагла, пій.. „Докладываю". Кормщикъ въ восторгѣ.—Этого лучше не надо...

Всѣ въ избушкѣ. Развязываю чемоданъ. Кормщикъ беретъ рикки (кремень) и ударяетъ имъ о тулирауда (желѣзо), сбоку котораго держитъ тагла (кусочекъ древесной просушенной губы).

Разъ,два...ни одной искры. Разъ, два.., пять... появляются одна за другой двѣ большихъ искры, падаютъ въ тагла. Тагла шаетъ (какъ можетъ шаять тряпка, когда на нее падаетъ искра или уголь). Половина дѣла сдѣлана. Кормщикъ кладетъ тагла въ небольшую ложбинку тулирауда. Туда же кладетъ пій (сѣра) и начинаетъ дуть. Пій отъ тагла загорается, появляются вспышки слабаго синяго огонька. Одинъ изъ гребцовъ держитъ надъ тагла небольшую лучинку.

Разъ, два... дуй сильнѣе.

Разъ!.. Опять вспыхиваетъ огонекъ—лучина воспламеняется..

Торжественная, незабываемая минута! Весело пылаетъ костеръ около избушки. Кипитъ уха, пѣнится.

Поужинали, обсохли—стало веселѣе.

— Ночевать здѣсь станемъ али дальше отправимся? спрашиваетъ кормщикъ и продолжаетъ—по-моему, ночевать не хуже, ѣхать еще далеко... вишь какая темень.

Рѣшились ночевать и стали прибирать въ избушкѣ. Затопили каменку.

— Кабы чайку теперь, заговариваетъ кормщикъ.

Съ удовольствіемъ бы—къ сожалѣнію, нѣтъ чайника.

— А чай и сахаръ есть?

Есть.

Кормщикъ зажигаетъ длинную лучину, идетъ въ лѣсъ и возвращается съ „охапкой" бересты.

— Это на что?

— Чайникъ сдѣлаемъ да чашки.

— Изъ береста чайникъ?

— Вотъ увидите сейчасъ.

Нѣсколько минутъ томительнаго ожиданія. Готово. „Чайникъ" представляетъ изъ себя высокую четырехъугольную коробку, *) бока ко-

*) Нѣчто похожее на корзину съ перевесломъ.

торой стиснуты посредствомъ расщепнутыхъ ивовыхъ палочекъ. „Чашки“ такія же коробочки меньшихъ размѣровъ.

Веселѣе прежняго пылаетъ костеръ.

Кипитъ вода въ берестянной коробкѣ...

20 минутъ назадъ я готовъ былъ „пробить о закладъ“ половину своихъ денегъ въ томъ, что „коробка“ загорится. Благодарю судьбу... что пари не состоялись... Много мнѣ пришлось испытать невзгодъ за время $1^1/_2$ мѣсячнаго путешествія, но зато немало я испыталъ и счастливыхъ минутъ.

Чаепитіе изъ берестяннаго чайника, изъ берестянныхъ чашекъ на берегу рѣки, у порога въ темную ночь среди сказочно-дремучаго лѣса было для меня однимъ изъ счастливѣйшихъ моментовъ...

Спать повалились—кормщикъ съ гребцомъ въ избушкѣ, мы съ другимъ гребцомъ въ карбасѣ. Не знаю, какъ спали мои проводники, что касается меня, то я заснулъ такъ крѣпко, что не слышалъ, какъ утромъ отчалили отъ берега... Проснулся я, когда подъѣзжали къ Водосалмѣ.

Водосалма.—Около десятка домовъ, расположенныхъ на высокомъ берегу оз. Лувозеро. *) Порядочно старовѣровъ.

Интересуясь памятниками старины Кореліи, а въ частности—памятниками письменности, я первымъ долгомъ справлялся въ каждой деревнѣ относительно старинныхъ книгъ, рукописей и брошюръ и т. д.

Я имѣлъ въ виду собрать подробныя свѣдѣнія о книгахъ (годъ изданія, типографія, городъ, владѣлецъ книги), чтобы въ послѣдующемъ сообщить объ этомъ Императорской Академіи Наукъ... До Водосалмы мнѣ не удалось видѣть ни одной интересной старинной книги. Видѣлъ я нѣсколько псалтырей, часослововъ, святцевъ, но всѣ книги были позднѣйшаго, послѣ—Никоновскаго изданія. Такія книги есть въ Лѣтнеконецкой и Маслозерской волостяхъ,—въ деревняхъ, расположенныхъ недалеко отъ б. Муезерскаго скита. О томъ, что въ Водосалмѣ есть старинныя книги, меня предупредили въ Кимасъ-озерѣ.

Ефремъ Фомичъ Валдаевъ—главный грамотей Водосалмы, показалъ мнѣ слѣдующія книги:

1) Маргаритъ, Московская типогр., годъ изданія 1764-й.
2) Рукописное изображеніе житія св.—годъ изданія неизвѣстенъ.
3) Патерикъ—типогр. Супральскаго—Москва, годъ изд. 1725.
4) Житія святыхъ трехмѣсячная, годъ изд. 1762.
5) Златоустъ, изд. въ 1783 г.
6) „Святцы“—Москва, годъ изд. 1654.
7) Библія—Москва годъ изд. 1723.
8) Уставъ рукописный—годъ изданія неизвѣстенъ.
9) Старинный нотный букварь.

— Согласны ли вы продать книги?

Пожалуй.

— Сколько стоятъ?

— Сто рублей.

Условились съ Валдаевымъ, что по наведеніи соотвѣтствующихъ справокъ я ему напишу.

До свиданья.

Счастливый путь.

---

*) Служитъ границей между Арханг. и Олон. губерніями. На Олон. сторонѣ д. Лувозеро.

Подаю руку одному изъ присутствующихъ стариковъ. Старикъ руки не беретъ, но вмѣсто этого встаетъ и, къ большому моему удивленію, обнимаетъ меня.

— Я старовѣръ, мы, старовѣры, за руку не здороваемся и не прощаемся...

Живутъ водосалмчане „не хуже другихъ“.

— Финляндія насъ кормитъ да Сурковъ (т-во К. Л. З.).

Вотъ сей годъ только Богъ обидѣлъ... въ лѣсу нѣтъ морошки... появились медвѣди, испортили скота рублей на 200

Въ 15 верстахъ отъ Водосалмы—Кондока. Путь наполовину болотистый. Вмѣсто мостковъ—суковатыя жердочки, да и то не вездѣ.

Кондока,—административный пунктъ Кондокской волости,—35 домовъ, раскинутыхъ на возвышенномъ берегу небольшого оз. Кондока. Министерское училище, правленіе, урядникъ... церкви нѣтъ.

Былъ будень,—въ Кондокѣ какой-то мѣстный праздникъ. Народъ дома. Старики, мужики, ребята—на улицѣ. „Женскаго полу“ не видать.

На станціи оказалась одна дѣвушка, которая по-русски ни слова. Пришлось идти на улицу. Подхожу къ группѣ мужиковъ. Со всѣхъ сторонъ недружелюбный, подозрительный взглядъ.—Нѣсколько вступительныхъ фразъ и—къ дѣлу. Записываю пути сообщенія въ волости. Мужики отвѣчаютъ неохотно, подошедшая изъ любопытства молодежь посмѣивается, перешептывается.

— Пиши, не пиши—ничего не будетъ...

Понемногу подозрѣніе разсѣивается. Мужики становятся откровеннѣе.

— „Финску крамоту намъ нато. Насъ хотитъ въ Финляндію челофѣкъ триста. Кто крамоту знаетъ, сарапатываетъ польше“...

— „Еще нато, чтобы тофаръ изъ Финляндіи начальство тосфолило фосить песъ пошлины... Песъ Финляндіи шить (жить) не мошемъ... То Кеми три съ половиной сотни ферстъ. 8 мѣсяцефъ ѣстить фъ Кемь не мошемъ. Похачей у насъ нѣтъ, хлѣпа на лѣто запрафить некому. Капы не Финляндія—съ колоту бы пропали“...

Тороку нужно фъ Финляндію стѣлать...

Въ Кондокѣ станцію содержитъ „вся деревня“.

— Всѣ хотѣли сарапотать кусокъ хлѣпа... Возятъ поочередно. Мнѣ дали проводниковъ, противъ ожиданія, безъ задержки.

На склонѣ дня отправляюсь въ слѣдующую по направленію къ Ухтѣ дер. Костомукши.

Изъ Кондоки до Костомукши 20 верстъ. Мѣстность наполовину холмистая, каменистая.

Мосты на болотахъ не поправлялись 30 лѣтъ. Сообщеніе исключительно пѣшеходное.

Государственную почту, которая ходитъ изъ Вокнаволоцкаго почтоваго от. въ Кондоку два раза въ мѣсяцъ, носятъ „на себѣ“...

Оба мои проводника понимали по-русски столько же, сколько я по-корельски—т. е. почти ничего!.. Скучно было идти...

Костомукша. — Около трехъ десятковъ домовъ, расположенныхъ на берегу длиннаго извилистаго съ островками озера Костомукша. Новенькое зданіе министерскаго училища, открытаго въ 1906 г., стоитъ на противоположномъ берегу въ 1/2 версты отъ деревни.

Съ удовольствіемъ узналъ, что мѣстный учитель на каникулы не уѣхалъ, и что у него въ гостяхъ еще какой-то учитель.

Лодку!

Пожилой мужичекъ перевезъ меня за озеро и поѣхалъ обратно...

Зданіе училища не хуже Мининскаго.—Большой классъ, просторная для интерновъ спальня, столовая, кухня, широкій длинный теплый коридоръ (служащій рекреаціоннымъ мѣстомъ)—для учащаго двѣ комнаты. Вездѣ чисто, выкрашено, свѣту „хоть отбавляй“. Много въ училищѣ учебныхъ наглядныхъ пособій, порядочная—въ качественномъ отношеніи, ученическая библіотека.

Аптечка, волшебный фонарь... Для учащаго выписывается два педагогическихъ журнала.

Надо отдать справедливость инспектору училищъ Н. М. Сереброву—въ заботахъ о нуждахъ школъ и объ улучшеніи положенія учащихъ онъ доходитъ до мелочей. Разсылая по училищамъ стулья, тарелки, ножи, вилки, спиртовки, подсвѣчники, лампы... вѣшалки, солонки, чугуны, кровати, самовары, чайники, топоры, молотки, кастрюли, карты, картины, таблицы, всевозможныя коллекціи и т. д. Внимательный инспекторъ не забываетъ послать также... нитокъ, иголокъ, конвертовъ и другихъ мелкихъ необходимыхъ предметовъ, которыхъ въ Карелiи сплошь и рядомъ достать скоро нельзя. Понятно, что учителя цѣнятъ такую внимательность.

— Очень требовательный, „пробираетъ“ за малѣйшія упущенія, но въ то же время—отечески добръ... „Жестко стелетъ, да мягко спать“,—такъ отзываются „министерскіе“ учителя о своемъ начальникѣ.

Два дня отдыхали у гостепріимнаго коллеги. Говорили о своемъ житьѣ бытьѣ.—Я разсказывалъ, какъ живется намъ, учителямъ церковныхъ школъ, коллега разсказывалъ про свое житье въ министерскомъ училищѣ. Слѣдовало бы поговорить, кстати, о положеніи учителей въ Карелiи, но тема эта заслуживаетъ того, чтобы на ней остановиться особо...

Нѣжное солнечное утро. Тихо, спокойно стекляннное озеро. Молчитъ лѣсъ.

Ѣдемъ версты 2 въ лодкѣ, а затѣмъ по узенькой, песчаной тропинкѣ поднимаемся на гору. Показывается „трактъ“—продолженіе Кондокко-Вокнаволоцкаго пути. Обычные камни, гнилыя мѣстечки. Длинными показались 38 верстъ...

Вокнаволокъ—одна изъ красивыхъ деревень Карелiи... Полтораста домовъ—всѣ чистенькіе, аккуратные,—много новенькихъ, крашенныхъ, почти около каждаго дома—гряды, немного пахотной земли, клочекъ сѣнокосу... Деревня раскинута версты на двѣ, съ правой стороны имѣетъ оз. Куйто, съ лѣвой—высокій лишенный растительности холмъ.

Волостное правленіе, лѣсничій, кондукторъ.

Приличная небольшая церковь. Урядникъ, двѣ церковныхъ школы.

Почтовое отдѣленіе, поддерживающее еженедѣльно сообщеніе съ Ухтой, съ Кондокой, съ Финляндіей. Крестьяне выписываютъ 3 финскихъ газеты въ 7 экземплярахъ,русскія—„Биржевыя Вѣдомости“ въ 2 эк., „Россію“ въ 1 экз., „Копейку“ въ 2 экз., „Архангельскъ“ въ 1 экз., „Ниву“ въ 3 экз.

Главный заработокъ вокнаволочанъ отхожій. Въ общемъ каждую зиму ходитъ въ Финляндію отъ 400 до 500 человѣкъ.

Большинство населенія Вокнаволоцкой волости, кромѣ того, ведетъ со своей богатой, культурной сосѣдкой торговыя сношенія. Вокнаволочане продаютъ въ Финляндію—масло по 45 коп. за фун., икру ряпуковую по 40 коп. за фун., сиговъ по 6 руб. за пудъ, мясо по 8 руб. за пудъ,

рябчиковъ и остальную дичь по 50—60 коп. за пару, овечьи шкуры по 1 р. 50 к. штука, телячьи по два съ полтиной...

Покупаютъ: муку ржаную по 6 руб. мѣшокъ (4½ п.), пшено по 10 руб. мѣшокъ (5 п.), соль по 30 коп. за пудъ, керосинъ по 1 р. 25 к. за пудъ, спички по 3 коп. пачка, чай, сахаръ, чайную и столовую посуду, разныя сельскохозяйственныя принадлежности, мануфактурный товаръ и т. д..

Торговля начинается съ установленіемъ саннаго пути и сосредоточена главнымъ образомъ въ г. Каяни.

Бойкій, развитый народъ вокнаволочане—по-русски говорятъ плохо, зато содержательно.

Обязательно намъ нато стѣлать торогу въ Финляндію, бесъ Финляндіи намъ тия не прошить. Фершала еще намъ очень нушно...

Эпидемія кори, появившаяся въ началѣ 1913 г. въ з. Маслозерѣ, обошла почти всю Карелію, въ іюлѣ корь свирѣпствовала въ Вокнаволоцкой волости. Кромѣ кори, въ волости сильно развита чесотка. Ближайшій къ Вокнаволоку фельдшерскій пунктъ въ 45 верст., въ с. Ухтѣ.

Польза отъ этого пункта для Вокнаволоцкой волости ничтожна, т. к. пунктъ расчитанъ на 4 громадныхъ волости—Ухтинскую, Тихтозерскую, Кондокскую, и Вокнаволоцкую, и служащему на пунктѣ фельдшеру исполнять обязанности въ 4 волостяхъ положительно нѣтъ физической возможности.Открытіе въ Вокнаволокѣ фельдшерскаго пункта, который бы обслуживалъ и сосѣднюю Кондокскую вол., крайне необходимо.

Ѣдемъ 30 верстъ по озеру Куйто, останавливаемся минутъ на 10 въ деревнѣ Ховаланшѣ (церковь, министерское училище, два замѣчательныхъ кладбища, старинная часовенка) и дальше—въ 15 верстахъ „столица Кареліи"—тянетъ неудержимо...

Ухта.—Названіе нѣсколькихъ деревень, раскинутыхъ верстъ на 8 въ окружности по берегамъ небольшой сплавной рѣки Ухты при впаденіи ея въ оз. Куйто. Самая населенная мѣстность—правый отъ устья р. Ухты берегъ оз. Куйто.

Почтовое отдѣленіе, старинная часовенка, церк. школа, церковь.

Одноклассное и двухлассное министерскія учил., фельдшерскій пунктъ.

Лѣсничій, кондукторъ, мелочная лавка, служащіе по заготовкѣ бревенъ.

Архіерейскій домъ. Стражникъ, урядникъ, приставъ.

Шинки...

Въ столицѣ Россіи—Петроградѣ почта разносится 6 разъ въ день, въ столицѣ Кареліи—Ухтѣ—1 разъ въ 7 дней! и при томъ въ теченіе лишь 8 мѣсяцевъ—въ октябрѣ, ноябрѣ, въ апрѣлѣ и въ маѣ, вслѣдствіе бездорожья и распутицы, почтовое сообщеніе Ухты съ г. Кемью и Финляндіей прекращается.

Интеллигенція столицы выписываетъ:

1) Вездѣсущую „Биржевку" въ 1 экз.
2) „Сѣверное Утро" въ 1 экз.
3) „Современное Слово" въ 1 экз.
4) „Архангельскъ" въ 1 экз.
5) „Ниву" въ 1 экз.
6) „Пробужденіе" въ 2 экз.

Старинная часовенка (годъ основанія неизвѣстенъ) находится на берегу озера, недалеко отъ нея ц.-приходская школа. До 1912 года въ школѣ преподавали 2 учителя, теперь—одна учительница... Рядомъ со школою небольшая хорошо окрашенная, чистенькая церковь.

Одноклассное и двухклассное училища помѣщаются въ наемныхъ избахъ,—при двухклассномъ училищѣ на 25 человѣкъ общежитіе.

Фельдшерскій пунктъ, какъ и остальные 3 пункта въ Карелiи—Юшкозерскій, Маслозерскій, Кестенгскій—оборудованъ плохо.

Нѣсколько лѣтъ назадъ въ Ухтѣ открытъ врачебный пунктъ. Должность врача до мая 1913 года была вакантной—никто не желалъ ѣхать въ „знаменитую столицу“...

Мелочная лавочка торгуетъ съ прибылью. Мука ржаная продается по 9—10 руб. мѣшокъ, сушка 6—7 рублей пудъ, чай 2 руб. фунтъ, сахаръ 20—25 к. ф., керосинъ 10 к. фунтъ, пшено 3 р. 20 к. за пудъ, мука бѣлая 4 руб. 50 коп. за пудъ.

Тяжело живется русскимъ въ Ухтѣ (въ распуту многіе голодаютъ—то нѣтъ рыбы, то—чаю, сахару, иногда муки), но не легче и кореннымъ жителямъ. Тоже люди, тоже ѣсть хотятъ...

Зарабатываютъ ухтяне немного—100—200 рублей въ Финляндіи, разумѣется, каждый въ отдѣльности и немного дома—одни отъ продажи рыбы, другіе отъ вывозки и сплава бревенъ. Хлѣба своего хватаетъ самое большее на 4 мѣсяца. Сѣна родится мало, мало и скота. Лѣтъ пять назадъ во всей деревнѣ (около 200 дворовъ) было 25 лошадей, теперь близко къ сотнѣ.

Въ общемъ народъ живетъ небогато. Рокша, ягоды, картошка, волнухи, рѣже—рыба и мясо, три раза въ день кофе—обязательно съ калачами—вотъ пища ухтянъ. Одежда и постройки, сравнительно съ пищей, нѣсколько изысканнѣе. Даже въ будни мужчины ходятъ въ черномъ и безъ заплатъ... Женщины одѣваются въ модное, ярко цвѣтное. Характернымъ въ постройкѣ избъ ухтянъ является крыша типичнаго „глаголя“ и темно-коричневой окраски, которая устраивается изъ небольшихъ дранокъ (3 четв. дл., 2 вер. шир.) и имѣетъ форму чешуи.

Нѣсколько словъ объ архіерейскомъ домѣ. Не слѣдовало бы, собственно, мнѣ, маленькому человѣчку, говорить о такихъ высокихъ предметахъ, но промолчать тоже какъ то неудобно. Буду по возможности кратокъ и остороженъ.

Постройка дома тянулась не одинъ годъ, денегъ затрачено нѣсколько тысячъ, въ результатѣ готовы—стѣны, крыша, кое-гдѣ потолки и полы...

Зданіе двухъэтажное—верхъ предназначенъ для церкви и покоевъ его преосвященства—низъ для братіи.

Домъ стоитъ верстахъ въ 2 отъ церкви, немного поодаль отъ деревни, за старымъ кладбищемъ, на лѣвомъ возвышенномъ берегу р. Ухты, среди красивой широко-далекой равнины.

Св. Синодъ, соглашаясь на открытіе въ Архангельской епархіи Кемскаго викаріатства съ цѣлью противодѣйствія лютеранской пропагандѣ и преуспѣянія въ Карелiи православія, поставилъ, какъ извѣстно, условіемъ, чтобы викаріатство содержалось на мѣстныя средства. Расходы по содержанію епископа Варсонофія—викарія Кемскаго, принялъ на себя Веркольскій монастырь, но монастырь въ свою очередь поставилъ условіемъ, чтобы преосвященный имѣлъ своимъ постояннымъ

мѣстожительствомъ с. Верколу, что было для монастыря далеко не безразлично, небезвыгодно.

Создалось положеніе, въ силу котораго преосвященному Варсонофію жить въ Ухтѣ не представлялось возможнымъ.

Работы по устройству дома пріостановлены. Пишущему эти строки освѣдомленныя лица въ Ухтѣ передавали, что домъ предполагается приспособить для второклассной школы, каковую духовное вѣдомство имѣетъ горячее желаніе открыть въ Карелiи давнымъ давно. Кстати, о панфинствѣ. Изъ бесѣдъ съ крестьянами и старожилами русскими въ Ухтѣ, въ Вокнаволокѣ, въ Кондокѣ и другихъ деревняхъ финской Карелiи я вынесъ убѣжденіе, что панфинское движеніе въ Карелiи въ 1906—7 г. было болѣе чѣмъ раздуто...

Крестьяне въ одинъ голосъ говорили,—„ничего не было, никакихъ проповѣдниковъ не видали, книгъ не получали, ничего не знаемъ".

Оговариваюсь, можетъ быть, крестьяне кое-что скрывали, что вполнѣ понятно...

Свѣдѣнія, добытыя мною по этому вопросу, сводятся къ слѣдующему:

„29 іюня 1907 г. на большомъ необитаемомъ островѣ среди оз. Куйто, въ 3 верстахъ отъ с. Ухты, состоялся митингъ, собравшій около 3-хъ сотъ крестьянъ. На митингѣ присутствовали б. учитель г. Л. и священникъ о. И. Крестьяне обсуждали вопросы чисто экономическаго быта корелъ. Была, между прочимъ, составлена на митингѣ петиція, въ которой крестьяне просили о безплатномъ отпускѣ лѣса, объ устройствѣ дорогъ, школъ, фельдшерскихъ пунктовъ и объ удовлетвореніи многихъ другихъ нуждъ забытой окраины. Петицію предполагалось подать на Высочайшее имя.

Митингъ, разумѣется, не остался незамѣченнымъ со стороны мѣстной администраціи—въ лицѣ пристава, урядника, стражниковъ.

Полетѣлъ куда слѣдуетъ донось...

Приблизительно около этого же времени изъ Финляндіи въ Ухту черезъ Тихтозеро одинъ крестьянинъ везъ два ящика книгъ. Полиція на дорогѣ перехватила книги, доставила въ правленіе и опечатала...

Какъ ни просили крестьяне пристава открыть ящикъ и убѣдиться, что тамъ ничего, кромѣ финскихъ букварей, нѣтъ, приставъ былъ неумолимъ. Вѣсть, что приставъ „арестовалъ буквари", быстро облетѣла всю деревню. Около правленія собралась толпа человѣкъ въ 200. Молодежь держала себя вызывающе, угрожала приставу, старики держали себя сдержанно, уговаривали молодежь. Вскорѣ возбужденіе пало, всѣ разошлись мирно. Митингъ въ Ухтѣ и „исторія" съ букварями, какъ намъ думается,—альфа и омега панфинскаго движенія въ Карелiи.

Въ сѣверо-западномъ направленіи отъ Ухтинской волости находится граничащая съ Финляндіей Тихтозерская волость. Изъ Ухты до Тихтозера 60 верстъ, и тутъ также—30 верстъ по каменной дорогѣ—остальное водой. Заработки крестьянъ Тихтозерской волости тѣ же, что и въ Вокнаволокѣ, въ Юшкозерѣ, въ Ухтѣ. Въ Финляндію ходитъ до 3-хъ сотъ человѣкъ. Къ особенности волости, пожалуй, можно отнести сравнительно повышенное развитіе скотоводства. Масло кр-не сбываютъ въ Финляндію.

Изъ Ухты я свернулъ на Кереть-Олангскій трактъ—въ Керетскую Карелію. Первая деревушка на пути по этому тракту Регозеро.

Отъ Ухты до Регозера 40 верстъ.

Безъ задержки была подана лошадь, запряженная въ кабріолетъ. Усѣлись, поѣхали.

Колесная дорога, какъ таковая, убійственна. Камни, ухабы на каждомъ шагу. Молодая финская лошадь рвалась неудержимо. Кабріолетъ выкидывалъ такія „колѣнца", приѣдая однимъ колесомъ, прискакивая другимъ, что замирало сердце.

Съ 4-й версты дорога пошла ровнѣе. Красиво бѣжала лошадь, ѣхалъ не безъ удовольствія.

На 10 верстѣ встрѣтились двѣ старухи. У обѣихъ по полкоробки морошки. Обрадовался такъ, какъ будто нашелъ кладъ. Надо замѣтить, что морошки въ Карелiи въ этомъ году было очень мало. Начиная отъ Сороки, вплоть до Ухты я не видалъ на пути ни одной ягоды...

— Продайте—обращаюсь къ старухамъ черезъ ямщика.

— Нѣтъ, нѣту, у насъ по заказу—отвѣчаютъ старухи по-карельски.

Кто „заказалъ?"

— Баринъ—называютъ фамилію одного изъ русскихъ въ Карелiи.

— Продайте хоть немного, не узнаетъ баринъ.

Нѣтъ, нѣтъ...

Въ этотъ день я былъ именинникъ. Сознался старухамъ. Сжалились, уступили полкоробки. Высыпалъ морошку въ фуражку, угостилъ ямщика и—впередъ.

На 13-верстѣ дорога неожиданно оборвалась. Здѣсь насъ ожидалъ проводникъ, который ушелъ впередъ немного раньше насъ. Предстоялъ путь пѣшкомъ 27 верстъ. Пошли. Ямщикъ съ лошадью поѣхалъ обратно.

На половинѣ отдохнули, закусили хлѣба съ масломъ. Хлѣба осталось. Проводникъ завертываетъ хлѣбъ въ газету и кладетъ подъ клочъ.

— Это зачѣмъ?

— Обратно пойду, такъ пригодится, не стоитъ впередъ нести, въ деревнѣ накормятъ.

— Собака не съѣстъ?

— Здѣсь собаки не ходятъ...

Впередъ!

Узкой полосой бѣжитъ тропинка,
Холмики, болота, холмики, болота.

Сороковая верста. Послѣдняя гора. Виднѣются регозерскія поля, деревня, озеро.—Картина привлекательная.

Регозеро можно причислить къ тѣмъ деревушкамъ, которыя принято называть „медвѣжьими уголками". Рѣдко сюда заноситъ Богъ прохожаго человѣка. Лѣтомъ еще ничего, придетъ иногда священникъ, объѣздчикъ, старшина съ писаремъ. Зимою ходоковъ нѣтъ, ѣздоковъ не бываетъ мѣсяцами. Мѣстные крестьяне, уѣзжая на бревянныя вывозки, сообщенія съ Ухтой не поддерживаютъ, вслѣдствіе этого дорогу такъ забиваетъ снѣгомъ, что проѣздъ возможенъ лишь на парѣ и то въ теченіи 20—25 часовъ.

28 приличныхъ домовъ, раскинутыхъ по берегамъ дугообразнаго въ 6 верстъ длиною оз. Регозера.

Министерское училище.

Мужики свое житье хвалятъ.

Рыбу ловимъ для продажи, птицъ стрѣлямъ, звѣря бьемъ. На вывозкѣ и сплавѣ бревенъ наживаемъ...

Въ Финляндію годъ отъ году ходитъ народу меньше.

— Дома работы есть...

Почва въ Регозерѣ, какъ и по всей Карелiи, каменистая. Я осматривалъ небольшой клочекъ земли. На 28 кв. саженяхъ 30 большихъ камней, мелкихъ больше сотни... Камни карелы выворачиваютъ посредствомъ ломовъ и отвозятъ въ сторону на саняхъ. Впослѣдствiи изъ камней образуется изгородь.

Въ Регозерѣ, въ сѣняхъ у одного мужичка, если не ошибаюсь, у Ф. Васильева, есть интересный памятникъ старины—большой восьмиконечный деревянный крестъ съ выпуклымъ рѣзнымъ изображенiемъ I. Христа. На крестѣ такая надпись: „Царь Славы, Сынъ Божiй. Кресту Твоему поклоняемся, Владыко и т. д.

Старовѣры собираются въ праздникъ около креста, кадятъ ему (крынкой, въ которую кладутъ нѣсколько углей, ладону и соли), молятся. Замѣтьте, читатель, все это происходитъ въ маленькихъ грязныхъ сѣняхъ!

— Откуда у васъ крестъ?

— Мнѣ достался по раздѣлу отъ брата, братъ получилъ отъ отца, отецъ отъ дѣдушки, а дѣдушка не знай отъ кого...

Слѣдующая за Регозеромъ на пути къ Керети по Олангскому тракту деревня—Логоварака.

Логоварака болѣе тяготѣетъ къ Керетской Карелiи. Объ этомъ въ особой главѣ.

Керетская Карелiя.

(Кестеньская, Олангская и Вычетайбольская волости).

Былъ хмурый, немного вѣтреный, дождливый день. Лѣниво вышелъ на улицу содержатель Регозерской земской станцiи, посмотрѣлъ на всѣ четыре стороны и безнадежно произнесъ тотъ непередаваемый носовой звукъ, которымъ обыкновенно выражаютъ разочарованiе, неудачу.

„Погода не унимается, обожди денекъ, а то весь перемокнешь, перезябнешь.

— Волка бояться, въ лѣсъ не ходить—бояться дождя и стужи лѣтомъ стыдно!

Проводниковъ!

Пришли двѣ пожилыхъ бабы и посмотрѣли на меня „сентябремъ“.

— Съ Богомъ, сказалъ содержатель послѣ того, какъ мы усѣлись въ лодку и отъѣхали отъ берега.

— Лицемѣръ, хотѣлось отвѣтить ему, не ты ли говорилъ пять минутъ назадъ по-карельски:

— „Понеси лѣшiй въ такую погоду!“

Накрапывалъ дождикъ, съ шумомъ падали капли въ озеро. Бабы гребли старательно. Черезъ часъ утомительной ѣзды, минуя цѣпь озеръ и ламбинъ, пристаемъ къ берегу. Узенькая, вертлявая тропинка тянется въ дикiй, болотистый лѣсъ. Намъ предстояло идти по тропинкѣ 12 верстъ. Дождь не унимался. На одномъ изъ большихъ болотъ надъ нами разразился ливень.

„Спасенье въ бѣгствѣ“, точно сговорились мы и—по колѣно увязая въ болотистой топи, падая съ мосточковъ—жердочекъ—бѣгомъ къ бору, къ чащѣ лѣса.

Становимся подъ ель, подъ другую, вездѣ сыро, обдаетъ каплями, какъ на зло нѣтъ поблизости ни одной широколапчатой лѣсины „избушки“, гдѣ обыкновенно находятъ себѣ убѣжище охотники, рыболовы и всѣ вообще путники, застигнутые въ лѣсу непогодой. Промокли „до нитки“. Дождь немного сталъ стихать, а затѣмъ совсѣмъ пересталъ, когда мы подходили къ рѣкѣ Валазъ, миновавъ 12 верстъ мучительнаго пути. Небольшая, порожистая, сплавная, съ сравнительно широкими сѣнокосными берегами рѣка Валазъ выходитъ изъ озера Регозеро, впадая въ озеро Топозеро, растянувшись прихотливыми извилинами верстъ, приблизительно, на 80. До Логовараки оставалось 4 версты. Усаживаемся въ лодку и—дальше.

„Хоть-бы на рѣкѣ не застигъ дождь—говоритъ старшая изъ проводницъ, сидя на кормѣ лодки, усердно подгребая весломъ.

— Дай Богъ, отзывается другая проводница, а сама что есть силы отталкиваетъ веслами воду. Быстро несется лодка.

— Еще три версты осталось, съ замѣтнымъ удовольствіемъ сообщаетъ кормщица.

— Авось успѣемъ до дождя попасть въ деревню, поддерживаю я разговоръ.

Не забыть мнѣ будетъ этого „авось“. Только-что кончилъ я фразу, начинающуюся словомъ „авось“, надъ лодкой неожиданно грянуло, да такъ сильно, съ трескомъ, раскатисто, какъ будто гдѣ нибудь „разорвалось“, „раскололось“ небо. Екнуло у бабъ сердечко. Запричитали жалобно: „Господи Іисусе, Господи Іисусе, помилуй насъ грѣшныхъ. Илья пророкъ, смилостивись! пронеси тучу грозную“.

Вскорѣ Бога не умолишь, говоритъ пословица. Скромная просьба моихъ проводницъ осталась неудовлетворенною...

Сверкнула молнія, еще разъ грянуло съ прежней силой и пошелъ сильный, крупный дождь. „Спасенье въ бѣгствѣ“.—Эта формула была теперь непримѣнима—лѣсъ далеко, берега гладки и чисты...

За поворотомъ рѣки показывается избушка. Стрѣлою несется лодка..

На наше несчастье избушка была набита сѣномъ. Пока мы относили сѣно, чтобы хоть немного „опростать“ избушку и укрыться въ свободное мѣсто—дождь (какой злой!) стихъ. Воспользоваться результатомъ упорной, отчаянной работы не пришлось...

Снова усѣлись въ лодку и отправились дальше. Было сыро, холодно, рѣзко, неудобно. Мы промокли, что называется „до костей“.

Бабы скинули съ себя верхнія мокрыя, сырыя, кофты и стали работать съ удвоенной энергіей.

Съ согласія проводницъ, не замедлилъ воспользоваться кофтами; одну накинулъ на голову, другую на плечи, желая „забронироваться“ отъ тѣхъ пронизывающихъ капель, которыя изрѣдка падали послѣ крупнаго дождя ,ухитрялись садиться на шею и спускаться внизъ...

Попрежнему было рѣзко, неудобно, вездѣ чувствовалась сырость, было холодно.

— Гдѣ искать спасенья? спросилъ я мысленно себя, боясь схватить простуду.

— Въ работѣ!—какой-то внутренній голосъ отвѣтилъ мнѣ.

Отличная мысль! Сажусь рядомъ съ бабой-гребцомъ, которая успѣла уже отъ работы согрѣться и берусь за весло съ намѣреніемъ гребнуть 1000 разъ „что есть силы“, безостановочно, не отдыхая, „на одинъ пріемъ“.

Разъ, два.., пятнадцать..., пятьдесятъ!..
Бабы улыбаются.
Шестьдесятъ..., восемьдесятъ..., сто...
Бабы смѣются.
Двѣсти.., триста.., пятьсотъ...
Бабы хохочутъ.

Шестьсотъ, семьсотъ, восемьсотъ (давно уже согрѣлся и даже—вспотѣлъ), девятьсотъ,... девятьсотъ двѣнадцать..., девятьсотъ тринадцать. Лодка на всемъ ходу вскочила на берегъ и „девятьсотъ четырнадцать сказать не пришлось".

Передъ нами была деревня Логоварака.

Логоварака—село около полусотни дворовъ—раскинута на лѣвомъ возвышенномъ берегу Валазъ, которая противъ деревни значительно расширяется и имѣетъ видъ ложбины. Министерское училище, церковь, постройка приличная. Мужики по-русски говорятъ бойко. Зарабатываютъ больше отъ вырубки и сплава лѣсу. Довольно ловятъ рыбы, занимаются разносной торговлей въ Финляндіи, но въ послѣдніе годы замѣтно меньше. Въ Логоваракѣ порядочно старовѣровъ. Съ большимъ удовольствіемъ и любопытствомъ слушалъ я разсказъ Екатерины Ивановны Мининой, 60 л.—свидѣтельницы разореннаго женскаго скита. *)

Разсказывала почтенная старушка:

„Я старовѣрка, 20 лѣтъ жила въ женскомъ скиту. Насъ выгонили 29 лѣтъ назадъ. Сдѣлалъ это приставъ съ тремя урядниками по доносу попа.

При мнѣ въ скиту женщинъ (старушекъ и дѣвушекъ вообще) было 30, а раньше—больше ста. У насъ была церковь и 60 келій. Мы ходили въ церковь три раза въ сутки: вечеромъ съ 5—7 ч., ночью съ 1—4 час. и утромъ съ 9—12 часовъ. Службу совершали по правилу. Работали мы немного. Были у насъ поля—сѣяли картошку, лукъ, рѣпу, иныя жита маленько. Сѣна ставили порядочно. Коровъ держали, при мнѣ было около 50. Рыбы ловили много. Заботились каждая о себѣ особенно. Много намъ помогали разные благодѣтели. Савинъ покойничекъ (керетскій заводовладѣлецъ) каждый годъ посылалъ по двадцать кулей муки. Ежели мы кому служили панихиду, либо молебенъ—намъ платили за это".

Старушка помолчала, стараясь, повидимому, еще что нибудь припомнить.

„У насъ былъ большакъ—Васильемъ Леонтьевымъ звали. Службу правила одна грамотная дѣвушка, теперь ея нѣтъ въ живыхъ. Дѣвушки приходили въ скитъ съ малыхъ лѣтъ".

Старушка опять помолчала.

„Много къ намъ въ скитъ ходило народу. Мы жили хорошо: молились, трудились"...

Опять молчаніе.

— Еще не знаете ли чего, очень обяжете, если скажете.

Послѣ непродолжительнаго молчанія Екатерина Ивановна робко начала:

„Вы ужъ не по этому ли дѣлу, господинъ, ѣздите? Ежели по этому, похлопочите за насъ. Очень бы намъ хотѣлось опять въ скитъ. Теперь насбиралось бы человѣкъ 50. Я службу бы справила. Теперь я тоже правлю. Умѣю читать, писать и пѣть по-старинному. Старушки собираются у меня по праздникамъ молиться...

*) На берегу озера Топозера.

— Въ прошломъ году въ нашу деревню пріѣзжалъ приставъ Пушкаревъ и закричалъ на меня:

„Показывай, гдѣ у тебя молельня!“

— Никакой у меня молельни нѣтъ, говорю я ему.

Врешь! говоритъ, а самъ ругаетъ меня худыми словами.

„Право—нѣту, отвѣчаю я ему, а сама заплакала: ужъ очень онъ на меня закричалъ да заругался.

— Ну нѣтъ, такъ хорошо, сказалъ потомъ приставъ. И еще сказалъ:

— Сама молись дома, а старухъ чужихъ не пускай. Если будешь пускать къ себѣ старухъ—въ тюрьму тебя посадимъ за это!“

Катерину Ивановну смѣнилъ сѣдовласый Трифонъ Мининъ.

Разсказывалъ дѣдъ:

„Въ мужскомъ скитѣ *) было больше ста человѣкъ, около полусотни келій, церковь. Службу правили такъ же, какъ и въ женскомъ скиту... Молились, трудились...

— Давно ли разоренъ мужской скитъ?

— Хорошенько не помню.

— Скажите приблизительно.

— Да такъ лѣтъ около 75-ти. Ничего не оставили... всѐ разорили... и церковь, и келіи... На мѣстѣ скита построили православную церковь. На островѣ поселился священникъ и жилъ годовъ двадцать въ 70 и 80 годахъ. Священникъ службы правилъ по-православному. Старовѣры молиться не ходили...

Теперь церковь стоитъ пустая—иконы вывезены въ Тихтозерскую церковь лѣтъ 20 назадъ.

— Скажите мнѣ—много ли было въ мужскомъ и женскомъ скитахъ старинныхъ книгъ?

— Какъ же, много, очень много было. Священникъ книги взялъ въ Логоварацкую церковь (въ с. Логвараки выстроена послѣ упраздненія Топозерской церкви), церковь сгорѣла, и книги сгорѣли.

Мининъ показалъ мнѣ имѣющіяся у него старинныя книги:

1) Дѣянія Апостольска и посланія соборна.
2) Каноникъ изд. въ 1785 году въ Москвѣ, въ типогр. единовѣрцевъ.
3) Псалтирь изд. въ 1779 г. въ Москвѣ, въ типогр. единовѣрцевъ.
4) Пѣвецъ—сборникъ пѣснопѣній по нотамъ.

Пасмурное, тоскливое утро. Въ станціонной комнатѣ чисто, свѣтло, тепло, уютно. Весело горятъ-потрескиваютъ дрова въ печкѣ. Пыхтитъ на полу самоваръ, ожидая—скоро ли съ него снимутъ трубу, подхватятъ его за руки и поставятъ на почетное мѣсто.

Пью стаканъ, другой—гляжу въ окно на непривѣтливую погоду, смотрю въ печку на догорающіе угли—становится скучно.

— Эхъ, кабы теперь газету, журналъ, книгу, а въ нихъ найти и прочитать что-либо освѣжающее, бодрящее...

— „Мы готовы“—раздается сзади.

Смотрю: передо мной высокій здоровенный мужчина и двѣ—такой же „комплекціи“—женщины.

Отправляемся въ разоренный женскій скитъ. Ѣдемъ версту по рѣкѣ Валазъ, идемъ 4 версты пѣшкомъ, снова садимся въ карбасъ и—опять по р. Валазъ (выше рѣка порожиста и для сообщенія неудобна).

*) На островѣ Топозерѣ.

Послѣ часовой ѣзды показывается Топозеро. Страшно было—разумѣется, мнѣ, а не проводникамъ въѣзжать въ бушующее озеро. Вѣтеръ разошелся „во-всю“. Рокотало озеро.

Проворно поставили гребцы паруса.

Ловкимъ движеніемъ рулевого весла кормщикъ повернулъ карбасъ направо. Мы попали въ полосу попутнаго вѣтра.

Точно на крыльяхъ полетѣлъ карбасъ.

Грозная, величественная картина открылась нашему взору.

Ключемъ кипѣло озеро на сорокаверстной ширинѣ, на девяностоверстной длинѣ.

Съ неудержимой силой бѣжали громадные взводни, красиво разсыпаясь, сверкая бѣлизной верхушекъ.

Шумъ, грохотъ, море, брызгъ пѣны.

Крѣпчалъ вѣтеръ.

Безпощадно ударяли, хлестали волны карбасъ, какъ будто хотѣли раздавить его, но онъ, быстроходный и увертливый, смѣло летѣлъ впередъ—то подпрыгивая, то присѣдая.

Обѣими руками держалъ кормщикъ рулевое весло и пристально смотрѣлъ вдаль.

„Поборемся“,—говорилъ его взглядъ бушующей стихіи.

Бабы отъ нечего дѣлать повалились отдохнуть. Беззаботно лежали онѣ въ носовой части карбаса, закрывши вплотную платками лицо.

„И вѣтеръ, и буря имъ ни по чемъ“. Онѣ были увѣрены, что кормщикъ сумѣетъ реагировать на „шалости“ вѣтра, не останется въ „плѣну у волнъ“ и въ концѣ-концовъ выйдетъ побѣдителемъ.

Крѣпчалъ вѣтеръ. Разсѣкалъ волны карбасъ, оставляя ихъ позади, и неустрашимо несся впередъ, не боясь обогнать девятый валъ. Много разъ „девятый валъ“ подбрасывалъ насъ кверху и стремительно спускалъ внизъ, чтобы утопить, но всякій разъ неудачно. Съ проворностью молніи поднимался карбасъ снизу—мы были на слѣдующей волнѣ и съ сожалѣніемъ смотрѣли, какъ разсыпался, уничтожался нашъ противникъ, посылая намъ въ догонку тысячи серебристыхъ брызгъ.

— „Эка бѣда, какъ расшалился—пожалуй и покурить не дастъ“, сказалъ кормщикъ послѣ продолжительнаго общаго молчанія и сталъ дѣлать приготовленія къ табакуренію. За эти „приготовленія“ мы чуть не поплатились жизнью. Управляя карбасомъ правою рукой, кормщикъ—освободившейся лѣвой рукой досталъ изъ кармана бумагу, табакъ и ухитрился при помощи одной лѣвой руки зубовъ и слюнъ свернуть цыгарку. Оставалось выполнить самое трудное—закурить. Той же лѣвой рукой кормщикъ досталъ изъ праваго „потайного“ нижняго кармана спички. Достать огонь при сильномъ вѣтрѣ—дѣло сложное, а тутъ, какъ на зло, одна свободная рука... Помощь правой руки была необходимымъ условіемъ успѣха. Нужно было сложить руки „пригоршней“ (коробкой) и, укрѣпивъ въ „пригоршни“ коробокъ со спичками такъ, чтобы туда не проникалъ вѣтеръ, доставать большимъ и указательнымъ пальцемъ правой руки огонь. Но какъ быть съ рулевымъ весломъ? Кормщикъ нашелся. Локтемъ правой руки онъ прижалъ весло къ груди подъ плечомъ и, воспользовавшись немного усмирившимся вѣтромъ, сталъ закуривать. Карбасъ побѣжалъ неровно—однимъ бокомъ много выше. Рулевое весло не управляло карбасомъ, а волоклось за нимъ, какъ тряпка... Тысячи волнъ ждали этого, а вѣтеръ, точно притаившійся хитрый звѣрь, вскочилъ на паруса, и... карбасъ наполовину залило водой.

Еще нѣсколько секундъ бездѣйствія кормщика, и волны могли бы сказать намъ: „попались, голубчики!“

Я переживалъ время безумнаго ужаса, никогда еще не извѣданнаго въ жизни, смотря—какъ за первымъ взводомъ въ карбасъ ползла „водяная гора“.

Съ тою ловкостью, расторопностью, которая присуща только поморамъ, ухватился кормщикъ за весло своими желѣзными клещами-руками...

Грѣшно упоминать безъ нужды лицъ, имена которыхъ украшаютъ страницы культурной исторіи.

Гордость Россіи—Великій Петръ—если бы имѣлъ случай—возможность наблюдать ту находчивость, проворность, ту чудодѣйственную силу кормщика, которою онъ въ одинъ моментъ заставилъ скользить карбасъ попрежнему ровно, безъ увлеченій—то сказалъ бы:

— Молодецъ!!!

Нѣсколько очнувшись отъ испуга, я взглянулъ на кормщика—его выраженіе лица, его поза достойны были кисти великаго художника. Крѣпко держалъ онъ весло, ни малѣйшей тѣни испуга на лицѣ, никакого безпокойства въ глазахъ—тотъ же задорный взглядъ—вызовъ бушевавшей стихіи:

— Поборемся!

Интереснѣе всего было то, что въ зубахъ кормщика искрилась цыгарка, и онъ, беззаботный, отважный, смѣлый, проворный, находчивый—достойный потомокъ поморовъ, красиво выпускалъ изъ носу тонкія струйки дыма.

На дальнѣйшемъ пути, когда бабы вычерпали уже изъ карбаса воду, кормщикъ намѣревался покурить вторично, но, уступая просьбѣ моей настойчивой—отложилъ свое намѣреніе.

Далеко ли еще до женскаго скита?

А вотъ, сейчасъ свернемъ въ губу и покажется.

Кривулистая, неширокая полоса воды. Сѣнокосные берега, угрюмый смѣшанный лѣсъ. Наконецъ-то!

Женскій скитъ. Жуткое впечатлѣніе производитъ женскій скитъ.

Представьте себѣ, что передъ вами мертвецъ съ впавшими глазами, съ почернѣвшимъ тѣломъ, съ взъерошенными волосами.

Такими, именно, мертвецами выглядятъ уцѣлѣвшія скитскія строенія—амбары ,бани, сараи, дворы, избы и между ними домовая церковь.

Все безъ оконъ, покосилось, развалилось, выгнило, съ провалившимися крышами, на которыхъ успѣли вырасти порядочныя березки.

Архангельская Карелія въ цѣломъ не изобилуетъ красивыми пейзажами. Сочетаніе земли, воды, лѣсу, камней—въ громадномъ большинствѣ случаевъ прозаичное. Низкіе, клочковатые берега рѣкъ и озеръ, однообразныя, унылыя сосны и ели и безъ конца—болота; такова въ общихъ чертахъ картина этой окраины. Сѣрая, блѣдная, жалкая картина. Скучная картина. Въ зимніе дни, когда спутывается въ снѣжныхъ вихряхъ небо съ землей, въ лѣтніе хмурые дни, когда темно-свинцовыя облака спускаются чуть не до верхушекъ деревьевъ,—Карелія принимаетъ безжизненный, мертвый видъ.

Былъ такой хмурый, печальный конца лѣта день, когда мы подъѣзжали къ скиту, осматривали его, пили въ одной изъ уцѣлѣвшихъ скитскихъ бань чай, съ намѣреніемъ переночевать здѣсь, если погода не „уймется“.

Страшное, отталкивающее впечатлѣніе произвелъ на меня разоренный скитъ, когда я къ нему подъѣзжалъ, но когда я ко всему присмотрѣлся, заглянулъ въ пустыя, полуразрушенныя кельи, на душѣ стало еще тяжелѣе.

Было до боли скучно сидѣть въ банѣ, сушиться около огня, выжидать погоды, смотрѣть на дико-пустынный видъ скитскихъ строеній и на непривѣтливый видъ неба, воды, лѣсу. Къ вечеру вѣтеръ стихъ, тучи на западѣ разбѣжались.

Выглянуло солнышко и вмигъ перекрасило все окружающее. Скитъ сталъ казаться не такимъ страшнымъ, какъ три часа назадъ. Очень мило глядѣли молоденькія стройныя березки, что выросли на крышахъ строеній. Ласкали взоръ цвѣты и травы, которыхъ не успѣла еще срѣзать расчетливая рука человѣка. Красиво блестѣли небольшія волны въ заливѣ. А лѣсъ, что стоялъ кругомъ плотной высокой стѣной, такъ и манилъ къ себѣ, къ своей загадочности, молчаливости. Я еще разъ сходилъ на кладбище, посмотрѣлъ на могилы тѣхъ, кто здѣсь трудился и молился, и попросилъ кормщика готовиться въ дальнѣйшій путь.

Островъ Топозеро находится ближе къ сѣверному берегу озера (20 в.), нежели къ южному (60 в.), и ближе къ западному берегу (5 вер.), чѣмъ къ восточному (30 в.). Отъ женскаго скита до острова верстъ 6. Знаменитый Топозерскій скитъ находился въ южной части острова (8 верстъ длина, наибольшая ширина—версты 4). Южный конецъ острова находится почти противъ женскаго скита. Чтобы удобнѣе попасть изъ женскаго скита въ мужской—Топозерскій, необходимо обогнуть, обойти въ лодкѣ южную часть острова. Для этого придется сдѣлать лишнихъ версты три, но зато меньше будетъ идти вглубь острова и по хорошей тропинкѣ. Часа черезъ два гребной ѣзды противъ небольшого бокового и отчасти встрѣчнаго вѣтра мы на желанномъ берегу острова. Песочекъ, камешки, извилистая, густая, высокая полоса лѣса.

Миніатюрная, приличная тропинка указываетъ дорогу къ разоренной обители.

Съ жгучимъ любопытствомъ, съ нескрываемымъ нетерпѣніемъ шелъ я по тропинкѣ.....

Сквозь чащу широколапчатыхъ сосенъ проглядываетъ, наконецъ, просвѣтъ. Я почти у цѣли.

Топозерскій скитъ. Чаща лѣса неожиданно оборвалась и передо мною открылась клочковатая, травянистая площадь, саженъ триста длиною и столько же, приблизительно, шириною.

Въ одномъ мѣстѣ—три избы, въ другомъ—три бани, въ третьемъ—два сарая или амбара.

Посреди площади церковь. Вокругъ церкви нѣсколько кучъ сѣна. Тутъ же находились трое мужчинъ и двѣ женщины.

Площадь обрамляетъ угрюмый, густой, высокій, сплошной лѣсъ.

— Гдѣ-же скитскія строенія или хоть остатки отъ нихъ? спрашиваю проводниковъ.

— Все разорено!, отвѣчаетъ кормщикъ и разсказываетъ про разоренный скитъ то же самое, что разсказывалъ мнѣ Трифонъ Мининъ въ Логоваракѣ.

— „Эта церковь православная,—добавляетъ кормщикъ, а избы, амбары и бани—священника и псаломщика, которые здѣсь жили лѣтъ тридцать назадъ“. Всѣ строенія на мѣстѣ разоренной обители пришли въ

ветхость. Видъ ихъ такой же жалкій, отталкивающій, что и строеній въ женскомъ скиту, тѣ же березки на проломленныхъ крышахъ, тѣ же покосившіяся стѣны, то же отсутствіе рамъ и стеколъ.....

Исключеніе составляетъ лишь церковь. Несмотря на то, что церковь существуетъ около 50 лѣтъ, она выглядитъ сравнительно молодой—стѣны и крыша въ отличномъ видѣ.

Я ужаснулся, когда вошелъ въ церковь,—настолько внутренность церкви не гармонировала съ ея наружностью.

Чистенькая, приличная снаружи, церковь была внутри складомъ различныхъ нечистотъ, была какимъ-то второстепеннымъ, забытымъ амбаромъ, была сѣноваломъ!

Оказалось, что невѣжественные сѣнокосцы—2 женщины и 3 мужчинъ (въ числѣ нихъ былъ человѣкъ по своему служебному положенію—интеллигентный, назвать котораго я не хочу), воспользовались памятникомъ старины, хотя и не очень давнимъ, какъ мѣстомъ для склада сѣна, чтобы предохранить его отъ гніенія. Алтарь былъ положительно сверху до низу набитъ сѣномъ. Въ средней части храма на полу щепки, сѣно, дрова, жерди; въ правомъ заднемъ углу устроено изъ досокъ нѣчто вродѣ стола и наръ для спанья.

Тутъ-же была разбросана въ безпорядкѣ одежда, обувь, четвертныя, табакъ, котлы, ведра и др. необходимыя сѣнокосцамъ предметы. Съ непріятнымъ осадкомъ на душѣ вышелъ я изъ храма...

Пріятно ѣздить въ тихіе, солнечные, лѣтніе вечера по большимъ озерамъ Карелiи, смотрѣть на небо, на воду, на лѣсъ, наслаждаться тишиной, свѣжестью, дышать правильно и легко и—мечтать.

Въ такомъ счастливомъ положеніи оказался я, когда мы отправились съ острова Топозера въ деревню Кокко-Салму. Намъ предстояло ѣхать 20 верстъ срединою той сѣверной части озера, которая имѣетъ 40 верстъ ширины.

Вѣтеръ затихъ.—Озеро стало неузнаваемо...

Долго я любовался спокойно-величавой, зеркальной гладью, ея шириной, сливающейся съ горизонтомъ далью, полоской лѣса, что темнѣла далеко, далеко впереди и съ боковъ, свѣтло-голубымъ „шатромъ“ съ золотистымъ „шаромъ“ на западѣ.

Первый разъ въ жизни обратилъ я вниманіе, въ полномъ смыслѣ этого слова, на закатъ солнца...

Дивное сочетаніе красокъ на западѣ съ ихъ переливами, оттѣнками—казалось мнѣ чарующимъ, сказочнымъ волшебствомъ.

Солнце, скрылось или—какъ говорятъ въ деревнѣ—„сѣло за лѣсъ“ Наступила ночь,—та обаятельная, свѣтлая, бѣлая ночь, какая бываетъ только лѣтомъ на сѣверѣ.

Кокко-Салма—небольшая чистенькая деревня, Кестеньгской вол., находится на Кереть-Олангскомъ „трактѣ“, при заливѣ озера Топозера. До Керети отъ Кокко-Салмы 110 верстъ, до Оланги 65 в.

Изъ трехъ, такъ называемыхъ, трактовъ Карелiи: Кемь-Ухтинскаго, Сороцко-Тунгудскаго и Кереть-Олангскаго, этотъ послѣдній въ смыслѣ неудобства не имѣетъ соперниковъ. Чтобы попасть изъ Керети въ Олангу, нужно миновать: 9 верстъ горою, 14 по озеру, 6 верстъ горою, 1½ версты по ламбинѣ, 2 вер. горой, 8 верстъ озерами и ламбинами, ½ горой, 20 вер. водой, ½ в. горой, 2 версты водой, 12 верстъ горой, 3 версты водой, ½ в. горой, ½ в. водой, 3 версты горой и 95 верстъ водою большею частью, озерами.

Рѣдко можно встрѣтить среди карелокъ красавицъ, но миловидныхъ среди нихъ много.

Три хорошенькихъ, нарядныхъ молодицы, про которыхъ можно выразиться словами Некрасова:

„Есть женщины въ русскихъ селеніяхъ
Съ спокойною важностью лицъ,
Съ красивою силой въ движеніяхъ,
Съ походкой, со взглядомъ царицъ“...

были моими проводниками изъ Кокко-Салмы въ Кестеньгу, и 15 вер. ѣзды по озеру Топозеро, точнѣе, по его заливамъ, соединеннымъ кое-гдѣ канавами, прошли незамѣтно. Само-собою разумѣется, что если бы молодицы всю дорогу ѣхали „со спокойной важностью лицъ“, то было бы скучно, но дѣло въ томъ, что симпатичныя проводницы были въ то же время веселы, оказались пѣвуньями, которыхъ не отказался бы послушать самый изысканный цѣнитель музыки.

Особенно мнѣ понравилось пѣніе финскихъ частушекъ на мотивъ: „Во саду ли, въ огородѣ...“, но не такое грубое, какое можно часто слышать въ деревняхъ, а плавное, нѣжное, какое то особенное, интимное, пріятно ударяющее по нервамъ, проникающее въ душу.

Какъ жаль, что не было съ собой фонографа.

Кстати, о фотографическомъ аппаратѣ и фонографѣ.—Это два незамѣнимыхъ помощника для такихъ „путешественниковъ съ научной цѣлью“, какъ я. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ языкъ мой безсиленъ полно и вѣрно изобразить видѣнное, передать слышанное.., аппаратъ и фонографъ выручили бы меня, сдѣлали бы результаты моей экскурсіи цѣнными—научными. Упоминаю это въ дополненіе къ „оговоркѣ“, которая помѣщена была мною въ началѣ очерка, чтобы отвѣтить попутно тѣмъ изъ русскихъ въ Карелiи, которые говорили мнѣ во время путешествія:

— Сомнѣваемся, что будетъ отъ вашей экскурсіи польза. Напрасно общество деньги тратитъ.

Кестеньга—обыкновенное карельское село съ мѣстоположеніемъ на берегу озера (Топозера). То же, какъ и вездѣ, отсутствіе симметріи въ постройкѣ, тѣ же неизмѣнные убогіе бани и амбары на самомъ берегу озера, противъ лицевой стороны избъ, тѣ же жалкія, песчано-каменистыя кругомъ деревни поля...

Церковь, фельдшерскій пунктъ, церковная школа, волостное правленіе, урядникъ.

Кестеньгская вол. и сосѣднія съ нею—Олангская и Вычетайбольская, которыя всѣ вмѣстѣ я отнесъ выше къ „Керетской Карелiи“, по своему экономическому положенію имѣютъ близкое сходство съ волостями Сороцкой Карелiи. Какъ въ той, такъ и въ другой Карелiи главнымъ подспорьемъ къ основному занятію—земледѣлію—являются заработки отъ вырубки, вывозки и сплава бревенъ, отъ отхожихъ промысловъ на заводы, на море, отъ рыболовства, отъ лѣсной охоты. Разница состоитъ лишь въ томъ, что изъ Керетской Карелiи часть населенія ходитъ ежегодно въ Финляндію, между тѣмъ населеніе Сороцкой Карелiи розничной торговлей въ Финляндіи не занимается, но зато ходитъ на Мурманъ, на покосы въ Поморье.

Въ общемъ какъ та, такъ и другая Карелія кормятся отъ „моря“, отъ „заводовъ“ *), и правильнѣе было бы ихъ назвать, съ Кемской Карелiей, о которой рѣчь будетъ впереди, Бѣломорской Карелiей.

*) Керетскіе карелы ходятъ на заводы въ с.с. Ковду и Кереть.

Я сдѣлалъ это мелкое подраздѣленіе, главнымъ образомъ, потому, что каждая изъ упомянутыхъ „Карелій“ имѣетъ свой административный, культурный и экономическій центръ. Встрѣтить крестьянина Керетской Карелiи въ с. Сорокѣ можно такъ же рѣдко, какъ мужика Сороцкой Карелiи—въ Керети.

Рѣдко заноситъ крестьянъ Сороцкой и Керетской Карелiи и въ свой уѣздный городъ Кемь,—нѣтъ особенной нужды въ этомъ.

Въ бытовомъ отношеніи Керетская Карелія ничѣмъ особеннымъ отъ Сороцкой не отличается—постройка, одежда, обычаи—вездѣ одинаковые,—близкіе къ поморскимъ. Разница опять небольшая, лишь въ обрусѣніи тѣхъ и иныхъ карелъ. Среди сороцкихъ карелъ, какъ я уже имѣлъ случай говорить выше, не понимающихъ или не знающихъ русскаго языка, можно встрѣтить рѣдко и то развѣ среди старухъ въ наиболѣе захолустныхъ деревняхъ, какъ, напр., Кучезеро, Компаково и Хитезеро, Тунгудской вол., между тѣмъ среди керетскихъ карелъ мнѣ приходилось встрѣчать порядочно мужчинъ, знающихъ русскій языкъ плохо, а изъ женщинъ—и совсѣмъ не понимающихъ его (въ дер. Логоваракѣ, Валозрѣкѣ, Кизрѣкѣ и др).

Начиная отъ Кестеньги вплоть до Керети (95 в.) путешествіе мое было въ полномъ смыслѣ бѣгствомъ. Я узналъ въ Кестеньгѣ, что пароходъ изъ Керети отправляется въ Кемь одинъ разъ въ недѣлю—по вторникамъ. Такъ какъ въ Кестеньгѣ я былъ въ воскресенье и потому, чтобы не опоздать къ пароходу,—долженъ былъ спѣшить... Это съ одной стороны.

Съ другой стороны,—близость Россіи дѣйствовала на меня магнитически. Захотѣлось поскорѣе попасть въ свое отечество, услышать родную рѣчь, быть среди интеллигентныхъ людей, среди культурныхъ условій. Если бы я зналъ, какія „культурныя условія“ меня ожидаютъ въ Керети—я согласился бы прожить въ Кестеньгѣ лишній мѣсяцъ!

Быстро пробѣжалъ карбасъ съ красиво натянутыми парусами 15 верстъ по озеру Топозеро, и мы очутились подъ горою дер. Лохъ-губа.

Лохъ-губа—симпатичнѣйшая деревушка,—стоитъ на возвышенномъ мѣстѣ, у „воды“,—нѣтъ, кажется, и двадцати домовъ, но—министерское училище!

— „Слава Богу“—говорятъ крестьяне, довольные открытіемъ училища.....

Такихъ маленькихъ деревушекъ, какъ Лохъ-губа, съ министерскими училищами въ настоящее время въ Карелiи не одинъ десятокъ. За одинъ послѣдній годъ (1913 г.) въ Карелiи было открыто вновь 23 училища.

„И слава Богу“,—хочется сказать въ унисонъ съ крестьянами, наблюдая это отрадное давно желанное явленіе!

— Ночевать станешь, али впередъ,—спрашиваетъ меня любезнымъ тономъ Лохгогубскій содержатель, которому мои кестеньгскіе проводники успѣли аттестовать меня съ самой лучшей стороны:

— По стариннымъ мѣстамъ ѣздить, на чай даетъ.

— Впередъ!

Ровно черезъ пять минутъ пришли два подростка—мальчикъ и дѣвушка—и мы отправились. Мигомъ пробѣжали 2 версты чащей лѣса и передъ нами открылась сѣнокосная равнина, саженъ триста въ длину и столько же въ ширину. Небольшая рѣчка коварными изгибами

пересѣкала равнину. Налѣво отъ рѣчки за сѣнокосною равниною темный боръ, направо—роскошная сосновая роща съ гробницами, съ полуразрушенной часовенкой.

И сѣнокосная равнина, и сосновая роща съ могилами и часовенкой носили въ былое время имя:

„Пустынь Батькова". Имя это живо и по настоящее время, но пустыни (скита), какъ таковой, разумѣется, нѣтъ. Пустынь постигла та же участь, что и скиты Топозерскіе.....

Мы прошли сѣнокосную равнину, сѣли въ лодку и черезъ нѣсколько минутъ ѣзды по ламбинѣ подъѣзжали къ дер. Лонгиваракѣ.

Лонги-варака—такая же небольшая, симпатичнѣйшая деревушка, какъ и Лохъ-губа. Здѣсь меня ожидалъ сюрпризъ. Со всей деревни собрались мужики и старики въ домъ, гдѣ я остановился на минутку, чтобы выпить кринку молока.

— Откуда ѣдешь, по какимъ дѣламъ, былъ ли на нашей пустынѣ?

Мужики успѣли уже узнать отъ проводниковъ „по какимъ дѣламъ я ѣзжу", а потому задавали вопросы, какъ обычное вступленіе къ настоящему разговору.

И разговоръ, какъ говорится, завязался.

Я былъ очень радъ выслушать одного изъ присутствующихъ стариковъ, Василія Трофимовича, 63-хъ лѣтъ.

Почтенный старикъ разсказывалъ:

— Наша пустынь (Батькова) разорена 20 лѣтъ назадъ. Я тамъ жилъ съ малыхъ лѣтъ. Кромѣ меня, было еще нѣсколько старичковъ и старушекъ. Мы молились, службу правили. У насъ была хорошая часовня... часовню разорили... бревна продали... ничего не осталось... Теперь на мѣстѣ часовни одна яма.

Потомъ мы стали молиться на кладбищѣ, въ амбарушкѣ, подъ которой находятся гробницы съ тѣлами основателей пустыни: Пахомія, Іоны и Савватія. Приставъ велѣлъ у этой амбарушки сломать крышу, чтобы мы больше не собирались молиться...

Иконы изъ нашей, разоренной часовни были увезены въ Кестеньгскую церковь. Не одинъ годъ наши иконы валялись тамъ на полу. Мы пожаловались „круговому" священнику (повидимому, миссіонеру или благочинному), и онъ приказалъ поставить ихъ въ приличное мѣсто.....

Ровно и спокойно началъ старикъ свой разсказъ, но по мѣрѣ того, какъ приближался къ самому главному, голосъ его задрожалъ и на глазахъ появились слезы.

— „... У меня была въ пустыни пахотная земля и сѣнокосы..... Все отняли..., ничего нѣтъ теперь своего... Живу у чужихъ людей—кормлюсь „Христа ради"... Старикъ заплакалъ.

„Теперь нашей землей владѣютъ кестеньгскій священникъ съ псаломщикомъ. Долго я судился съ ними, чтобы отобрать отъ нихъ свою землю,—три коровы просудилъ,—ничего не вышло".

Плакалъ старикъ.

— Будь кормилецъ, похлопочи, ежели ты по этому дѣлу ѣздишь. Вѣкъ буду за тебя Бога молить. Очень желали бы мы опять въ пустынь, желали бы молиться, трудиться, пахать свою землю.

Плакалъ старикъ. Среди гробового молчанія присутствующихъ и разсказъ, и слезы старика были особенно трогательными. Нужно было что-нибудь отвѣтить. Отвѣта ждали больше пятидесяти человѣкъ.

Я подчеркнулъ присутствующимъ свою скромную миссію, какъ путешественника, свое скромное служебное положеніе, какъ

учителя церковно-приходской школы и добавилъ, что если архіерей узнаетъ про мои „хлопоты“, то меня вышарятъ изъ М—ра меньше чѣмъ въ 24 часа..., но такъ какъ я очень дорожу учительскимъ мѣстомъ, а въ счастливомъ исходѣ дѣла, если такое начать, сомнѣваюсь, то ничѣмъ помочь не могу.

— Мы архіерею не скажемъ,—научи, куда подать прошеніе,—закричали со всѣхъ сторонъ мужички,—чтобы „высудить“ нашу землю.....

И смѣхъ, и горе.....

Солнце уже „сѣло за лѣсъ“, когда мы вышли изъ Лонгивараки въ слѣдующую деревню—Пиньгосалму. Ѣхали водой три версты, 12 верстъ шли пѣшкомъ и 2 версты опять водой.

Мои проводники старуха и дѣвушка—по-русски ни слова.

Не весело было идти ночью молча, среди незнакомой мѣстности съ незнакомыми людьми.

Жутко было спускаться по узенькой каменистой тропинкѣ съ косогоровъ.

Густой высокій лѣсъ, богатый могучій лѣсъ тянулся вдоль тропинокъ. Пышныя, раскидистыя вѣтки сосенъ и елокъ висѣли надъ нами.

Мѣстами мы шли точно коридоромъ со стеклянною крышею—когда видно было небо; мѣстами—„туннелемъ“—когда широколапчатыя вѣтки непроницаемымъ пластомъ висѣли надъ нашими головами. Проводники шли позади.

— Вы хозяинъ?—обращаюсь я къ вышедшему на станцію мужичку въ спальномъ костюмѣ.

— Да, я.

— Нѣтъ ли чего нибудь у васъ закусить, я проголодался.

— А чево тебѣ?

„Слава Богу, сказалъ я мысленно себѣ, навѣрно имѣетъ „все“ разъ спрашиваетъ, „чево“. Если есть рыба—сварите уху!

— Нѣту рыбы.

— Ну, если есть мясо, поджарьте—за безпокойство заплачу вдвойнѣ

— Нѣту мяса.

— Нѣтъ ли яицъ?

— Нѣтъ.

— Нѣтъ ли рыбной кулебяки?

— Нѣтъ.

— Что же у васъ есть?

— Буди желаешь, такъ женка принесетъ молока, а если хошь, такъ сваритъ картошки.

— А въ деревнѣ рыба, мясо, яйца у кого нибудь есть?

— Нѣту ни у кого.

— Въ такомъ случаѣ принесите молока—картошки не надо!

— Каково молока желаешь?

— Какое есть?

— Всякое.

— Принесите каждаго „сорту“ по крынкѣ да, кстати, самоварчикъ!

— Сейчасъ поду разбужу жонку.

Хозяинъ сходилъ и вернулся.—Сейчасъ будетъ, сказалъ онъ, дѣлая надъ собою усиліе быть любезнымъ, между тѣмъ взглядъ его говорилъ:

— Бѣсъ носитъ по ночамъ, спокою никакого нѣту.

Вскорѣ за дверями послышался шорохъ. Хозяинъ пнулъ ногой въ дверь, дверь отворилась. На станцію вошла хозяйка—дородная, толстка баба. Въ лѣвой рукѣ у нея была крынка съ творогомъ, въ правой—крынка съ „пресным“, между грудью и локтемъ лѣвой руки—крыняа со „свѣжимъ“.

Ушли въ вѣчность тѣ счастливые годы, когда рыба въ озерахъ Карелiи „кишмя кишѣла“. Теперь не то. Безъ преувеличенія можно сказать, что большая часть населенія „достаетъ“ немного рыбы только весной да осенью и то—для продажи... Лишь немногія деревушки, наиболѣе удаленныя отъ значительно населенныхъ мѣстъ, расположенныхъ по берегамъ большихъ озеръ, живутъ еще, если можно такъ выразиться, въ сумеркахъ славнаго прошлаго...

Парфеево.—Послѣдняя карельская деревушка (Керетской вол.) въ 10 домовъ, расположенная между озерами Паново и Плотничье. Изъ Пиньгосалмы до Парфеева путь водный (20 в.). Не приведи Господи, „и крещеному и некрещеному“ попасть въ лѣтнюю страдную пору въ маленькую деревушку Карелiи съ мыслью немедленно продолжать путь. Я уже имѣлъ неосторожность, благодаря своей неосвѣдомленности, жить въ Береговѣ 4 дня и 4 ночи, не имѣя возможности двинуться ни взадъ, ни впередъ. Теперь подвернулся второй такой случай. Содержатель Парфеевской станцiи отдалъ незадолго до моего пріѣзда карбасъ подъ частную надобность (увезъ въ Кереть на пароходъ мужиковъ), и мнѣ былъ преподнесенъ урокъ терпѣнія.

Ровно черезъ сутки мы отправились въ Кереть. Ѣхали 8 верстъ цѣпью озеръ, ламбинъ и салмъ—(мелкихъ, узкихъ, кривулистыхъ ручейковъ, соединяющихъ озера), шли 2 версты пѣшкомъ, увязая по колѣно въ болотную топь, опять ѣхали $1^1/_2$ вер. водой, опять шли 6 верстъ пѣшкомъ, снова сѣли въ карбасъ и ѣхали 14 верстъ водою, частью по рѣкѣ, но больше по оз. Лоукское, и снова шли пѣшкомъ послѣднія 9 верстъ передъ Керетью. Невозможно мучительный путь. На десяткн саженъ тянутся въ высь каменные кряжи. Узенькая тропинка бѣжитъ по кряжамъ, пересѣкаетъ ихъ и то поднимается, то опускается, образуя аршинныя ступеньки. По этой тропѣ нельзя проѣхать на лошади и трудно пройти пѣшкомъ.

Кереть—большое торгово-промышленное приморское село съ двумя извилистыми „проспектами“, растянувшимися больше, чѣмъ на версту, по лѣвому немного возвышенному берегу игривой, порожистой р. Кереть.

Въ селѣ нѣсколько „лавокъ“ и среди нихъ на самомъ видномъ и бойкомъ мѣстѣ—казенка!

Врачъ, фельдшеръ, мировой, лѣсничій, урядникъ, стражникъ, приставъ, почтово-телеграфное отдѣленіе, двухклассная ц.-приходская школа.

Среди множества двухъэтажныхъ старинныхъ, почернѣвшихъ скученныхъ домовъ Керети взглядъ съ удовольствіемъ останавливается на небольшой, чистенькой, бѣленькой церкви, обнесенной желѣзной оградой, внутри которой есть цвѣты. Недурно двухъэтажное зданіе школы, выстроенное при матеріальномъ содѣйствіи мѣстнаго заводовладѣльца г. Савина.

Характерный, досадный случай произошелъ со мной въ Керети. Даю мѣсто „случаю“ исключительно для того, чтобы лишній разъ иллюстрировать постановку станціоннаго дѣла въ Кемскомъ

уѣздѣ вообще, а также отмѣтить недостойное поведеніе тѣхъ людей, которые помѣшали мнѣ работать въ лучшихъ условіяхъ. На пароходъ я опоздалъ. Мнѣ предстояло ожидать слѣдующаго рейса семь дней

— И отлично,—займусь изученіемъ поморской деревни—время не пропадетъ....

Только что вошелъ я на станцію, приблизительно часовъ въ 12 ночи, и не успѣлъ снять верхняго платья, какъ является г. урядникъ.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте!

— Откуда прибыли?

— Изъ Парфеева.

— Устали?

— Очень!

Общее молчаніе. Я раздѣваю сапоги, г. урядникъ прогуливается по комнатѣ.

— Наши дороги неважны,—начинаетъ урядникъ.

— Да.

— Вы, вѣроятно, въ Архангельскъ?

— Да.

— До свиданія—неожиданно говоритъ представитель власти и уходитъ.

7 часовъ утра. Просыпаюсь—открываю глаза. Передо мною г. стражникъ. Намѣреваюсь подняться и сказать: „что вамъ угодно“, но г. стражникъ исчезаетъ.

8 часовъ утра. Выспался, но вставать не охота. Пусть ноги отдохнутъ лишній часъ—имъ такъ пріятно на мягкой перинѣ послѣ продолжительнаго, мучительнаго путешествія.—На станцію входитъ костлявый, грязный старичекъ. Притворяюсь спящимъ. Старичекъ осматриваетъ мой багажъ, костюмъ и головной уборъ. (Костюмъ мой былъ больше чѣмъ скромный.—На фуражкѣ кокарды не было!)

— Эй, вставай, чево выляживашь, у насъ здѣсь спать не полагается!—грубо кричитъ старичекъ, въ которомъ не трудно было узнать „самого“ содержателя.

— Позвольте....

— Чего позвольте, сичасъ начальство придетъ,—старикъ беретъ метлу и подпахиваетъ мусоръ.

Демонстративно закрываюсь одѣяломъ.

½ 9-го приходитъ начальство—правильнѣе начальникъ—г. урядникъ,—тотъ самый, съ которымъ я имѣлъ маленькую бесѣду наканунѣ. На правахъ „знакомаго“ г. урядникъ спрашиваетъ меня—каково мнѣ спалось, хорошо ли отдохнулъ и вскорѣ уходитъ.

9 часовъ утра. Второй разъ приходитъ г. стражникъ.

— Вы по дѣлу?—спрашиваю я.

— Такъ точно.

— Вамъ нужно содержателя?

— Никакъ нѣтъ.

— Что же вамъ угодно?

— Извените—его высокородье г. приставъ велѣлъ намъ съ урядникомъ узнать,—кто вы такой есь?

Удовлетворяю любопытство.

½ 10-го. На станціи никого. Стучу—никто не приходитъ. Спускаюсь внизъ. Содержатель чай кушаетъ.

— Самоваръ мнѣ готовъ?

— Обожди маленько. Сами напьемся.
— Развѣ у васъ одинъ самоваръ?
— Есть другой, да большой, для одного грѣть не стоить!
10 часовъ. Самовара нѣтъ. Спускаюсь внизъ. „Не грѣется“.
— Скоро-ли?
— Обожди, въ лавку схожу (содержатель имѣетъ мелочную лавку).
11 часовъ. Спускаюсь внизъ.
— Готовъ?
— Обожди еще немного—грабли поправлю—народъ дожидаетъ—тебѣ не къ спѣху...
12 часовъ дня. Нѣтъ самовара. Спускаюсь внизъ. Нѣтъ никого.
— Эй!
Никто не откликается.
Иду къ г. приставу съ намѣреніемъ пожаловаться.
Толстая карявая, безобразная баба встрѣтила меня въ квартирѣ г. пристава.
— Могу ли я видѣть г. пристава?
— А чево вамъ надоть?
Я промолчалъ, баба пошла докладывать.

Его высокородіе господинъ приставъ былъ очень занятъ и мнѣ пришлось ожидать пріема въ грязномъ, вонючемъ коридорѣ—ровно 1/2 часа.

Господинъ приставъ посовѣтовалъ мнѣ написать жалобу въ станціонную книгу. Я вернулся на станцію и взялся за перо. Вдругъ вбѣгаетъ содержатель и буквально вырываетъ у меня книгу.

— Не дамъ марать (!?) книги изъ-за пустяка. Не великъ баринъ, можешь подождать чаю... да мы и не обязаны держать васъ на станціи (!?).—Послѣ всего происшедшаго мнѣ оставалось подыскать частную квартиру. Я такъ и поступилъ.

Впослѣдствіи я узналъ, что содержатель станціи былъ человѣкъ одинокій, ему дѣйствительно было некогда (надо было часто въ лавку ходить) да, кромѣ того, у него въ тотъ день не оказалось уголья! Какъ это ни странно, какъ это ни дико, но я оказался въ Керети, въ сравнительно культурномъ селѣ, въ самыхъ худшихъ условіяхъ. Всю недѣлю я спалъ на полу, имѣя подъ собою, вмѣсто постели пальто, вмѣсто одѣяла, пальто—вмѣсто подушки—три полѣна дровъ и сверху пиджакъ. Спасибо тому человѣку, который пріютилъ меня.

Кемская Карелія.

Изъ Керети до г. Кеми. Островъ Поповъ, г. Кемь, Подужемская, Поносская и Маслозерская волости.

Прибытіе срочнаго Мурманскаго парохода въ Кереть ожидалось во вторникъ, въ 12 часовъ дня. Пароходъ пришелъ пятью часами раньше. Такая пунктуальность съ Мурманскими „срочными“ пароходами повторяется чуть не каждый разъ. Пароходы то запаздываютъ, то приходятъ раньше—чаще запаздываютъ. Опытные пассажиры, чтобы не пропустить рейсъ, „караулятъ“ пароходъ иногда цѣлыя сутки. Достойно вниманія то обстоятельство, что пароходство, наживая большія деньги на перевозкѣ пассажировъ и грузовъ, получая крупную субсидію

отъ правительства за доставку почты и т. д., жалѣетъ грошей на телеграммы и афиши, т. е. на болѣе точное освѣдомленіе публики о часахъ прихода и отхода пароходовъ.

— Игнатій, эй, Игнатій!—кричитъ на улицу, черезъ окно, рыжему широкоплечему мужику мой квартирохозяинъ.

— Чево?

— Не свезешь ли моего постояльца на пароходъ?

— А у тя свой карбасъ на што?

— У меня карбасъ занятъ.

— Можно,—послѣ нѣкотораго раздумья соглашается Игнатій.

— Сколько возьмете?—обращаюсь я къ Игнатію.

— На половинку надо.

— 20 копеекъ?

— Нѣтъ, три гривенника.

— Развѣ у васъ вино дороже?

— Севодне казенка закрыта—придется купить на сторонѣ и заплатить дороже.

— А много въ Керети „сторонних“ торговцевъ??

— Чѣмъ?

— Виномъ:

— Есть этого добра...

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

8 часовъ утра. Морозно, немного холодно.

— Погода дождь сулитъ—замѣчаетъ Игнатій, когда мы вышли на улицу, направляясь къ рѣкѣ.

Въ селѣ большое движеніе. Ранній приходъ парохода явился для многихъ неожиданностью, многіе оказались неподготовленными къ отъѣзду.

Бѣготня, суетня.

Съ берега одинъ за другимъ отправляются по направленію къ пароходу карбаса, нагруженные бочками, ящиками, сундуками, корзинами. Кое-гдѣ между карбасами раскрашенныя увертливыя шлюпки. Быстро несутся шлюпки, обгоняя неуклюжіе карбаса. На шлюпкахъ мѣстная интеллигенція и начальство: одни ѣдутъ на пароходъ въ качествѣ пассажировъ, другіе въ качествѣ провожатыхъ, третьи—просто для развлеченія или, какъ говорятъ, „людей посмотрѣть да себя показать“.

Пароходъ посреди рѣки, немного ниже села. У спускной лѣстницы парохода около 20 карбасовъ.

Шумъ, ругань, давка, безпорядокъ.

Мой проводникъ былъ мужикъ сильный, бойкій.

Съ явнымъ нахальствомъ оттѣснилъ онъ нѣсколько карбасовъ, и я вскорѣ оказался на пароходѣ.

Многолюдно, шумливо, дымно, грязно, душно—какъ въ кабакѣ—было въ общей каютѣ 2 класса. Вокругъ продолговатаго стола каюты размѣстились человѣкъ десять пьяныхъ мужиковъ-поморовъ—тѣхъ зазнавшихся, несимпатичныхъ поморовъ, которые, имѣя туго набитые кошельки, не желаютъ считаться съ правилами приличій.

Въ концѣ стола занимали мѣста два урядника.

Въ сторонѣ, около своихъ коекъ, сидѣли пассажиры—дѣти, женщины, мужчины.

Кричали пьяные поморы:

— Половой, графинъ водки!

— Половой, дюжину пива!

— Человѣкъ, еще графинъ водки!

Официантъ уходитъ и вскорѣ возвращается съ двумя графинами вина.

— А намъ что пива не принесъ—горланятъ три мужика.

— Простите, господа—не могу всего сразу...

— Ты шевелись—такой сякой (слѣдуетъ сквернословіе,) а то мы не успѣемъ выпить*).

— Мама, пойдемъ отсюда на палубу,—здѣсь худо,—обращается съ просьбою къ матери дѣвочка лѣтъ 8-ми, услышавъ сквернословіе.

— Потерпи, милая, эти пьяныя морды скоро уйдутъ—будетъ лучше... На палубѣ сейчасъ холодно и, кажется, идетъ дождь.

— А не раздавимъ ли еще 1/2 графинчика?—обращается одинъ урядникъ къ другому.

— Можно...

— Официантъ, еще 1/2 графинчика! Да поскорѣе!! а то опоздаемъ...

Полграфина на столѣ.

Представители власти пьютъ по „первой“, пріятно морщатся, хвалятъ пароходское вино и, не теряя драгоцѣнное времячко, наливаютъ по другой.

Въ каюту входитъ о. дьяконъ и сообщаетъ знакомой группѣ пассажировъ, что у спускной лѣстницы парохода творится что-то ужасное, что подрались два пьяныхъ мужика изъ-за того, что каждому хотѣлось попасть на пароходъ скорѣе—при чемъ одинъ изъ мужиковъ упалъ въ воду и его съ трудомъ удалось вытащить.

Раздается второй свистокъ.

Представители власти спѣшно допиваютъ „остальное“ и, сильно покачиваясь, выходятъ на палубу.

О. дьяконъ раскатисто хохочетъ.

— Вотъ, наклюкались.

— Поддержали торговлю кабака—отзывается кто-то изъ публики.

Привезли почту, пароходъ сталъ сниматься съ якоря.

Прощальный свистокъ—и мы въ пути.

Минуемъ на 3-ей верстѣ отъ села лѣсопильный заводъ Савина и черезъ часъ ѣзды въѣзжаемъ въ открытое море. Дуетъ попутный вѣтеръ. Вплоть до Кеми въ теченіе полусутокъ кланяется пароходъ водной стихіи.

Островъ Поповъ. Въ 10 верстахъ отъ г. Кеми, въ устьѣ рѣки того же названія—есть небольшой островъ „Поповъ“. Мурманскіе пароходы до города не доходятъ и останавливаются противъ упомянутаго острова. На островѣ—большой лѣсопильный заводъ (Т-ва К. Л. З.), школа, фельдшерскій пунктъ, телефонъ (до г. Кеми), два клуба—„народный“ и „благородный“—много чистенькихъ аккуратныхъ строеній—жилищъ для рабочихъ и служащихъ завода. За недостаткомъ времени я познакомился съ заводомъ, точнѣе—съ жизнью завода—довольно поверхностно, но то, что я имѣлъ возможность наблюдать, произвело на меня впечатлѣніе только хорошее. Я между прочимъ побывалъ въ народномъ

*) Во время стоянки парохода „кабаки“ т-ва посѣщаются преимущественно публикой съ берега, а также пассажирами изъ 3-го класса.

клубѣ и имѣлъ случай наблюдать жизнь рабочихъ въ свободное время (былъ праздникъ). Большое деревянное зданіе народнаго клуба, надо сказать правду, довольно неопрятно, но, какъ говоритъ пословица: „не красна изба углами, а красна пирогами“..... Въ клубѣ три главныхъ зала—читально-билліардный, буфетный и самый просторный—театрально-танцовальный.

Заглядываю въ буфетъ и слышу—„позвольте чаю, позвольте лимонаду“, но не слышу „позвольте вина“,—его въ буфетѣ нѣтъ!

Заглядываю въ читально-билліардный залъ:—вокругъ билліарда пусто, но зато около маленькихъ газетныхъ столовъ, что стоятъ у стѣнъ зала—многолюдно: группы рабочихъ читаютъ газеты и различныя столичныя изданія. Заглядываю въ театрально-танцовальный залъ—игриво раздаются звуки „вѣнки“—съ большимъ увлеченіемъ танцуютъ „краковякъ“ десятки паръ молодежи (дѣвушки въ „прическахъ“, въ цвѣтныхъ платьяхъ „по модѣ“; кавалеры—рабочіе и приказчики—въ приличныхъ тройкахъ)—и среди кавалеровъ ни одного пьянаго!

Въ просторномъ, свѣтломъ, чистомъ приказчичьемъ клубѣ каждый праздникъ даются кинематографическія представленія. Клубъ посѣщается, разумѣется, не только приказчиками и мѣстной интеллигенціей, но и рабочими. Въ общемъ, рабочіе завода (среди нихъ немало карелъ и карелокъ) живутъ въ сравнительно благопріятныхъ условіяхъ (отсутствіе на заводѣ казенки, выписка газетъ, разумныя развлеченія и т. д.).

Впрочемъ, спѣшу оговориться—постановка на заводѣ школьнаго дѣла и медицинской помощи заставляетъ ожидать лучшаго. Слѣдовало бы открыть на заводѣ школу повышеннаго типа и, вмѣсто фельдшерскаго пункта—врачебный съ больницей и постоянными кроватями.

Островъ Поповъ имѣетъ небольшую „исторію“. Я буду разсказывать „исторію“ со словъ одного кемскаго старожила.

Въ старину островъ принадлежалъ Соловецкому монастырю. Монастырь подарилъ необитаемый клочекъ земли причту Кемскаго собора. Прошло много лѣтъ—островъ пустовалъ и дохода причту не приносилъ. Дарственная грамота монастыря какъ-то незамѣтно попала съ виднаго мѣста въ архивъ и впослѣдствіи затерялась—о грамотѣ позабыли....

Лѣтъ тридцать назадъ компанія капиталистовъ задумала выстроить въ устьѣ рѣки Кеми лѣсопильный заводъ. При выборѣ мѣста островъ Поповъ оказался наиболѣе подходящимъ для задуманнаго предпріятія. Полагая, что островъ принадлежитъ Кемскому общественному управленію, капиталисты обратились къ упомянутому учрежденію съ просьбой—отдать островъ въ аренду. Кемское общественное управленіе согласилось уступить островъ за 400 рублей ежегоднаго вознагражденія. Сдѣлка состоялась. Заводъ былъ выстроенъ. Сразу же дѣла завода пошли хорошо: Городъ пользовался арендной платой недолго.

Настоятель Кемскаго собора, знакомясь съ подвѣдомственнымъ ему соборнымъ архивомъ, случайно обнаружилъ покрытый пылью документъ, устанавливающій, что островъ „Поповъ“—собственность причта Кемскаго собора. Документъ (дарственная грамота) былъ немедленно предъявленъ городскому управленію, которое не замедлило передать островъ въ руки дѣйствительныхъ собственниковъ....

Причтъ собора, принявъ въ свое владѣніе о. Поповъ, рѣшилъ повысить арендную плату до 5 тысячъ рублей. Заводовладѣльцы обратились къ архіерею съ ходатайствомъ повліять на причтъ въ томъ смыс-

лѣ, чтобы онъ (причтъ) понизилъ арендную плату до 2 т. рублей. Въ отвѣтъ на предложеніе архіерея согласиться на условія заводовладѣльцевъ, причтъ Кемскаго собора командировалъ въ Архангельскъ своего настоятеля, который просилъ владыку позволить брать съ завода „хоть три тысячи". Архіерей „позволилъ",—заводъ согласился платить три тысячи.....

Архіерей потребовалъ, чтобы изъ 3 тыс. причтъ Кемскаго собора отчислялъ ежегодно—1½ т. на духовно-учебныя заведенія и ½ т. на нужды собора, а остальныя—на собственныя нужды причта... Настоятель собора подалъ въ Синодъ жалобу, указывая, что никакой законъ не даетъ права преосвященному распоряжаться собственностью причта.... Синодъ согласился съ доводами жалобы и высказался въ пользу причта собора.

Непроходимыя болота отдѣляютъ о. Поповъ отъ г. Кеми. Сообщеніе съ городомъ поддерживается исключительно воднымъ путемъ—по рѣкѣ Кеми, которая беретъ начало въ Финляндіи, въ оз. Паоманго, и течетъ черезъ средину Кареліи на разстояніи приблизительно 4-хъ сотъ верстъ, считая въ томъ числѣ оз. Панозеро, Юшкозеро и Большое Куйто (Верхнее, среднее и нижнее). Перевозка грузовъ съ острова до города и обратно производится въ баржахъ и карбасахъ, пассажиры ѣздятъ въ большинствѣ случаевъ на пароходикахъ, принадлежащихъ старшему приказчику завода г. Попову (два небольшихъ винтовыхъ парохода). Передвиженіе на „пароходикахъ" приказчика Попова не только неудобно, но положительно рискованно. Машина на пароходахъ постояно „загаривается", изъ трубы все время бьетъ фонтанъ громадныхъ искръ, которыя сразу же падаютъ... на пароходъ, на публику, на багажъ.

Горе тому неопытному, неосвѣдомленному пассажиру, который будетъ стоять недалеко отъ трубы, или положитъ поблизости свой багажъ. Много уже было случаевъ, когда неосвѣдомленные" пассажиры „прожигали" на себѣ то головной уборъ, то платье, то багажъ...

Кемь. Издали городъ съ окрестностями до нѣкоторой степени импонируетъ. Но ближайшее знакомство съ городомъ портитъ впечатлѣніе издали. Всюду бросается въ глаза неблагоустроенность... муссоръ, коровій пометъ, грязь, проломленныя мосточки, лужицы. Центральныя части города, какъ, напр., берегъ рѣки противъ собора, берега двухъ ручейковъ, которые пересѣкаютъ городъ, впадая въ рѣку, — служатъ мѣстомъ для свалки нечистотъ!..

Въ Кеми около 4-хъ сотъ домовъ. Большинство домовъ расположено по двумъ проспектамъ, изъ которыхъ одинъ „Крестовскій" тянется дугой вдоль лѣваго берега рѣки, другой проспектъ беретъ начало въ центрѣ „Крестовскаго" и тянется въ сторону карельскихъ болотъ...

На Крестовскомъ проспектѣ два собора, всѣ правительственныя уѣздныя учрежденія... казенка, два клуба, магазины.

Одинъ изъ соборовъ недавней постройки—каменный, другой—деревянный, построенный въ 1714 году, довольно интересной архитектуры, хранитъ въ себѣ нѣсколько памятниковъ старины.

Для „удобства" публики правительственныя учрежденія—тюрьма, полицейское управленіе (между тюрьмой и полицейскимъ упр. - казенка) расположены въ центрѣ города, а почтово-телеграфная контора, больница, казначейство—на окраинѣ...Два клуба—„народный" и „благородный".

Въ обоихъ клубахъ публика собирается большею частью для того, чтобы „сразиться“ на билліардѣ, „перекинуться“ въ картишки, „пропустить“ по единой. Развлеченія въ клубахъ Кеми—рѣдкость. Оба клуба имѣютъ библіотеку, выписываютъ журналы, газеты, ноты; журналы лежатъ неразрѣзанными, газеты валяются гдѣ попало—скомканныя, облитыя пивомъ, умазанныя селедками *)...

Торговля въ Кеми довольно значительна. Покупателями являются, кромѣ горожанъ, крестьяне 6 карельскихъ волостей—Подужемской, Маслозерской, Погосской, Юшкозерской, Ухтинской и Вокнаволоцкой. Жители Юшкозерской, Ухтинской и Вокнаволоцкой вол. покупаютъ въ Кеми хлѣбъ и вино, крестьяне остальныхъ волостей—хлѣбъ, вино, одежду, чай, сахаръ, керосинъ и проч. предметы необходимости **).

Товаровъ сплошь и рядомъ бываютъ недохватки. Причина заключается въ томъ, что Кемь до сихъ поръ со всѣхъ сторонъ стиснута болотами, черезъ которыя нѣтъ шоссейныхъ дорогъ.

Историческія свѣдѣнія о городѣ сводятся къ слѣдующему:

„Въ XV столѣтіи Кемь была волостью и принадлежала посадницѣ В. Новгорода—Марфѣ Борецкой.

Въ 1450 году Кемь перешла въ даръ Соловецкому монастырю.

Въ 1579—80 годахъ шведы сдѣлали опустошительный набѣгъ на Кемь. Соловецкій воевода Озеровъ и многіе стрѣльцы были убиты, но воевода Аничковъ разбилъ и прогналъ шведовъ.

Въ 1590 году шведы разорили Кемскую волость.

Въ 1591 году вся волость съ Муезерскимъ монастыремъ, крестьянами, варницами и промыслами была отдана Соловецкому монастырю.

Въ 1657 году въ Кеми выстроенъ двухъэтажный острогъ и вооруженъ пищалями и пушками.

Въ 1764 году Кемь вошла въ составъ Онежскаго уѣзда.

Въ 1785 году—переименованъ въ уѣздный городъ Олонецкаго намѣстничества.

Въ 1799 году Кемь причислена къ Архангельской губ.

Въ 1749 и 1763 году Кемь пострадала отъ наводненія, въ 1825 году отъ громаднаго пожара.

Нѣсколько словъ относительно нашумѣвшей въ свое время Кемской дороги...

Устройство Кемскаго тракта, какъ извѣстно, было поручено инженеру Николаеву. Николаевъ началъ работу въ 1901 году, получивъ на устройство предварительно пять тысячъ рублей. Дорогу нужно было проложить на разстояніи $220^1/_4$ верстъ—отъ с. Унежмы, Онежскаго у., вплоть до г. Кеми. Работа производилась пять лѣтъ. За это время инженеромъ Николаевымъ было получено 162.151 руб. 62 коп.

Въ іюнѣ 1906 года дорогу, еще незаконченную устройствомъ, осматривала особая комиссія, въ составъ которой входили—губернаторъ Н. Н. Качаловъ, члены уѣзднаго распорядительнаго комитета и мѣстные лѣсничіе. Вслѣдствіе обнаруженныхъ комиссіей крупныхъ ошибокъ и неправильностей въ ходѣ работъ, небрежнаго отношенія къ дѣлу со

*) Мнѣ пріятно отмѣтить, что въ послѣднее время (въ зиму 1913—14 года) въ жизни „благороднаго“ клуба совершился сдвигъ... Въ городѣ образовался кружокъ любителей драматическаго искусства. Во главѣ кружка, по сообщенію корреспондента газ. „Архангельскъ“, стоитъ мѣстный мировой судья. „Кружкомъ“ дано въ зиму 1913—14 г. въ благородномъ клубѣ нѣсколько спектаклей, кромѣ того, въ клубѣ работаетъ кинематографъ. Въ добрый часъ! Авторъ.

**) Крестьяне Ухтинской, Юшкозерской и Вокнаволоцкой вол. покупаютъ все необходимое, кромѣ хлѣба и вина, въ Финляндіи. (См. „Финская Карелія“).

стороны производителя работъ младшаго дорожнаго инженера Н. М. Николаева—послѣдній былъ освобожденъ отъ дальнѣйшаго веденія работъ *).

Съ устраненіемъ инженера Николаева устройство дороги продолжалось и продолжается подъ наблюденіемъ Кемскаго уѣзднаго распорядительнаго комитета, но до послѣдняго времени все еще не закончено. Жителямъ города попрежнему приходится во время осенней и весенней распутицы въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ быть отрѣзанными отъ міра и терпѣть всевозможныя лишенія, попрежнему лѣтомъ приходится поддерживать сообщеніе съ поморьемъ въ карбасахъ, т. к. пароходы Мурманскаго т-ва ходятъ вдоль Бѣломорскаго побережья одинъ разъ въ недѣлю. Весьма понятно, что городъ Кемь при такихъ условіяхъ не можетъ дышать свободно, не можетъ развиваться такъ, какъ слѣдовало бы развиваться городу, занимающему столь счастливое географическое положеніе (у моря при многоводной рѣкѣ)... Надо, однако, полагать, что лучшіе дни для Кеми недалеко. Съ введеніемъ въ Архангельской губ. земства, съ проведеніемъ на Мурманъ черезъ Кемь желѣзной дороги городъ, безспорно, выйдетъ изъ своего болотнаго состоянія и быстрыми шагами пойдетъ по пути культурнаго и экономическаго развитія.

Главныя ворота въ Карелію—Кемь-Юшкозерскій трактъ.

— 7 верстъ по колесной дорогѣ, 10 верстъ по р. Кемь, 33 версты по каменисто-болотистой тропѣ, 5 верстъ по оз. Маслозеро, 1 верста салмой, 10 верстъ по озеру Лежево, 1 верста по р. Охта, 13 верстъ по узенькой тропинкѣ, 3 версты по озеру Вермасъ, 11 верстъ по узенькой тропѣ, 4 версты по озеру Панозеро и 51 верста по р. Кемь.—Таковъ путь изъ г. Кеми до Юшкозера, таковъ главный „трактъ“ въ Кареліи.

Мы въ пути. Ѣдемъ первыя 7 верстъ по колесной дорогѣ.—Холмики, ручейки, гнилые мосточки, ухабы, грязь, лужи, камни. Съ правой стороны тракта то болотце съ чахлой растительностью, то боръ съ тощими сосенками. Съ лѣвой стороны та же картина. Мѣстами показывается рѣка Кемь—игривая, каскадистая, блестящая... На восьмой верстѣ крутой спускъ, дорога упирается въ ручей. Дальше ѣхать нельзя, невозможно даже идти пѣшкомъ. Усаживаемся въ карбасъ и черезъ два часа ѣзды по р. Кеми подъѣзжаемъ къ Подужемью.

С. Подужемье—первый населенный пунктъ по р. Кеми. Церковь, министерское училище, церковная школа, волостное правленіе, урядникъ, мелочная торговля (не во всѣхъ селахъ Кареліи есть мелочная торговля). 120 домовъ, расположенныхъ въ два—въ три неправильныхъ ряда—въ сосѣдствѣ съ банями, съ амбарами—по лѣвому отлого-возвышенному берегу рѣки.

Подужемскіе крестьяне—народъ обрусѣлый. Близость города съ русскимъ населеніемъ даетъ себя знать во всемъ—въ постройкахъ, въ разговорахъ, въ одеждѣ, въ обычаяхъ...

Оригинальный корельскій „глаголь“ (типъ постройки) „изъ моды вышелъ нынѣ“. Крестьяне строятъ дома пятистѣнные—обзаводятся мебелью, зеркалами, украшаютъ стѣны обоями. Нѣкоторые дома подужемцевъ обставлены много лучше кемскихъ... Въ разговорѣ подужемцы любятъ вставить интеллигентное словцо—„позвольте“, „будьте добры“ и т. д., умѣютъ встрѣтить, принять, проводить и производятъ вообще хорошее впечатлѣніе...

---

*) Свѣдѣнія взяты изъ газеты „Архангельскъ“ за 1907 годъ.

Бойкій народъ подужемцы. Песчано-каменистая земля-мачиха толкаетъ подужемца всюду. Подужемца можно встрѣтить на Мурманѣ, гдѣ онъ промышляетъ треску, въ Сорокѣ на промыслѣ сельдей, въ Кеми, гдѣ онъ или работаетъ на заводѣ или занимается судостроеніемъ. Къ числу „домашнихъ“ отхожихъ промысловъ слѣдуетъ отнести—вырубку, вывозку, сплавъ бревенъ и уловъ семги.

Въ недавнее прошлое время доходъ отъ семги былъ для подужемцевъ однимъ изъ главныхъ подспорьевъ къ существованію. Крестьяне отдавали въ аренду, если не ошибаюсь, за 3 тысячи рублей семужій заборъ, установленный въ одномъ изъ лучшихъ мѣстъ порога Ужмы.

— Изъ арендныхъ денегъ мы платили подати сполна и еще оставалось на чаишко, на сахаришко и другіе мелкіе расходы, объясняютъ подужемцы и съ сожалѣніемъ добавляютъ:

— Теперь мы этого дохода лишились, намъ запретили ставить заборъ черезъ всю рѣку..... изъ за панозеръ вся эта исторія вышла...

— Въ чемъ дѣло?

— А подали жалобу, что къ нимъ семга не доходитъ!

Сама по себѣ деревня Подужемье некрасива, но окрестности привлекательны.

Стремительно, широкой, прямой полосой несется р. Кемь мимо деревни, неожиданно развѣтвляется, образуя два небольшихъ порога, снова сливается и течетъ спокойно. Между развѣтвленіями рѣки небольшой островъ, на островѣ высокія, широколапчатыя сосны и ели. Берега рѣки отлого возвышенные, усѣянные кое-гдѣ ложбинами, каменьями, окаймленные небольшими кудрявыми березками. На правомъ берегу сѣнокосныя угодья, на лѣвомъ—за деревней—поля.

Пріятно прокатиться въ лодкѣ мимо с. Подужемья въ лѣтній день. Быстро, слегка покачиваясь, несется лодка—по сторонамъ зелень полей, ноженъ; впереди—на островѣ, посреди рѣки—дивная роща; сзади—порогъ Ужма—такой большой, грозный, шумливый, дико-величественный.....

Ужма—гордость Карелін. Сотни экскурсантовъ, посѣщающихъ въ послѣдніе годы нашъ Сѣверъ, въ частности, Соловки не останавливаются передъ неудобствами путешествія и ѣдутъ посмотрѣть Ужму, послушать мощный ревъ сѣвернаго великана, посмотрѣть его гигантскіе прыжки, эффектные фонтаны брызгъ...

Я не буду описывать Ужму—это выдающееся твореніе р. Кемь; я не могу передать впечатлѣнія, произведеннаго на меня одной изъ лучшихъ картинъ сѣверной природы.

Изъ Подужемья въ глубь Карелін ведутъ два пути—сухопутно-водный (трактъ черезъ Маслозеро въ Панозеро по болотамъ и озерамъ) и водный—(тоже въ Панозеро) по порожистой р. Кемь. Оба пути равны приблизительно 80 верстамъ и въ смыслѣ „удобства“ ни на іоту не уступаютъ другъ другу...

Панозеро—двѣ деревни: Погосская и Мандерская—расположено по обоимъ берегамъ р. Кемь, немного выше озера Панозеро.

Церковь, министерское училище, волостное правленіе, 80 домовъ, мелочная лавка, земская станція..? шинки... Церковь обнесена на протяженіи 3 хъ сотъ саженъ оградою изъ дикаго камня. Чтимая старинная икона въ церкви св. пророка Иліи украшена кіотомъ съ древней интересной рѣзьбой.

Въ былое время нынѣшній Панозерскій приходъ назывался „Лопскимъ Панозерскимъ погостомъ“ и составлялъ часть Олонецкаго воеводства. Въ церковномъ отношеніи погостъ былъ подчиненъ Новгородскому митрополиту, а ближайшимъ образомъ—игумену Александро-Свирскаго монастыря. Про погостъ сохранилось нѣсколько легендъ.

„Однажды, говоритъ легенда,—отрядъ шведовъ, вооруженныхъ мечами, разорилъ деревню Сапосалму (выше Панозера по р. Кемь на 36 верст.) и направился къ Панозеру. Невооруженные панозеры безсильны были дать отпоръ врагу и стали призывать на помощь св. пророка Илію. Молитва была услышана: враги, не дойдя до деревни, ослѣпли“...

Панозерское министерское училище одно изъ лучшихъ въ Карелiи. Зданіе училища—дворецъ. Два большихъ шкафа въ классѣ—„биткомъ набиты“ книгами, учебными, наглядными пособіями и т. д. Много наглядныхъ учебныхъ пособій собрано учителемъ школы совмѣстно съ учениками... При училищѣ столярная мастерская, обслуживающая за умѣренную плату нужды населенія ближайшихъ деревень.

Постройки панозеръ неважныя. Много старыхъ, почернѣвшихъ домовъ, обычная скученность, улицы кривыя, каменистыя, грязныя—деревня, въ общемъ, выглядитъ неказисто.

— „Нѣтъ времени у насъ строить хорошія, новыя избы,—объясняютъ крестьяне,—все время работаешь на сторонѣ, чтобы добыть денегъ на хлѣбъ. Весной и лѣтомъ сплавляемъ лѣсъ, осенью занимаемся рыболовствомъ и охотой, зимой находимся на вывозкѣ бревенъ“...

Утро. Иду отъ гостепріимнаго батюшки на земскую станцію. Необходимо переѣхать черезъ рѣку. На берегу ни души.

— Перевозу!

Никто не показывается. Приходится идти обратно на погостъ и взять перевозчика на мѣстѣ.

Содержатель ждалъ почту.

— „Обожди маленько, вмѣстѣ съ почтальономъ поѣдите“.

Около полудня въ почтовый карбасъ усѣлись—почтальонъ, я, старикъ кормщикъ и два гребца—симпатичныя, нарядныя молодки.

Заскрипѣли весла—карбасъ тронулся... Выѣзжаемъ на средину рѣки. Молодки на минуту останавливаются, снимаютъ съ головы платки, засучиваютъ рукава, брызжутъ водой окрючины веселъ, чтобы не было скрипу, и снова за работу.

Озеро Панозеро...

Качаются туловищемъ молодки, далеко закидывая весла, сильно отталкивая воду...

Берегъ—грязный, топкій, почти полверсты бредемъ, увязая по колѣно.

Показывается приличная сухая тропинка. Всѣ радёхоньки...

11 верстъ бѣжимъ веселые, со смѣхомъ, съ шутками.

Рады всѣ, что *дорога хорошая*, что на болотахъ есть мосточки.

Рады всѣ, что кругомъ такъ хорошо—много ягодъ, грибовъ...

А лѣсу то, лѣсу, сколько лѣсу... и какой красивый, стройный, высокій.

Озеро Вермасъ—усаживаемся въ карбасъ и мигомъ переѣзжаемъ 3 версты.

Далѣе на протяженіи 13 верстъ приличная тропинка. На 14-й верстѣ опять въ карбасѣ. Будемъ плыть съ версту по р. Охтѣ далѣе 10 верстъ по озеру Лежево, 1 версту самой и 2 послѣднія версты по озеру Маслозеро.

Библиотека ВИФ СССР

С. Маслозеро находится на берегу озера, на половинѣ тракта между Подужемьемъ и Панозеромъ.

Теперь на берегу оз. Маслозера церковь, школа, волостное правленіе, 50 дворовъ.

Небогато живутъ маслозеры, но и не бѣдно: нищихъ въ деревнѣ нѣтъ.

Всѣ одинаково трудятся, всѣ имѣютъ на рукахъ мозоли, всѣ могутъ съ гордостью сказать—

Мы не дармоѣды!

Отъ прежнихъ богатствъ края остались пустячки. Звѣрь не показывается годами, птица вывелась, рыбы съ трудомъ можно достать на уху...

Земля износилась, хлѣбъ родится плохо. Мало стало земли, тѣсно и тяжело живется маслозерамъ.

Нужда-матушка положительно не даетъ покою, гонитъ изъ дому и мужчинъ, и женщинъ, и стариковъ, и дѣтей. Весною маслозеры уходятъ на сплавъ, на Мурманъ, лѣтомъ въ Поморье на сѣнокосъ, осенью на селедочный промыселъ въ Сороку, на заводы, зимой на вывозку бревенъ.

— „Работаемъ, работаемъ, ночи не спимъ дома, говорятъ мужики,— и все въ долгу!.. О, Господи! Когда же наступитъ заря лучшихъ дней?“ ..

Кемская Карелія.

Въ Маслозерской вол. нѣсколько памятниковъ старины. Однимъ изъ главныхъ является Никольская церковь, построенная на мѣстѣ исторически извѣстнаго Муезерскаго скита. Островъ Муезеро, на которомъ нѣкогда существовалъ скитъ, находится посреди оз. Муезеро—въ 24 верстахъ отъ Маслозера, въ 4 верстахъ отъ ближайшей дер. Ушково. Попасть въ Муезеро съ относительнымъ удобствомъ можно только зимой, лѣтній путь едва проходимъ. Дорога пролегаетъ большею частію по болотамъ, на которыхъ вмѣсто мосточковъ тоненькія, суковатыя гнилыя жердочки, или толстыя, тоже суковатыя, а иногда и гладкія бревна. И жердочки, и бревна проложены вдоль по одному въ рядъ и соприкасаются концами въ рѣдкихъ случаяхъ. Идешь по такому мосту— кругомъ зыбкая моховина, всюду блестящія точки—бездонныя озера. Бревна шатаются, качаются, вертятся, жердочки глубоко погружаются въ болотную топь. „Мостъ“ приходится нащупывать ногами, угадывать. Малѣйшая неосторожность и путешественнику грозитъ болотная ванна. выбраться изъ которой не легко. Жидкая болотина быстро засасываетъ, и если путешественникъ не успѣетъ ухватиться за бревно (въ опасныхъ мѣстахъ всегда бревна), то можетъ „провалиться сквозь землю“... Старожилы не знаютъ, не помнятъ такихъ страшныхъ, ужасныхъ случаевъ смерти, но только потому, что всѣ мѣстные жители уже свыклись съ подобными путями, а чужой человѣкъ сюда не заглядываетъ.

Я посѣтилъ Муезеро осенью. Время было холодное, дождливое. Много было воды на борахъ между клочьями, камнями, но еще больше на болотахъ. Мосты всплыли. Путь былъ безобразный. На одномъ изъ длинныхъ вязкихъ болотъ - бревна особенно скользки, вертлявы.

— Почему крестьяне не устроятъ переправы получше?—спросилъ я проводника.

— А Богъ знаетъ... рѣдко кто ходитъ здѣсь лѣсомъ... Никому не хочется свезти зимой лишнее бревно, хотя это сдѣлать не трудно.

Мучимся, а сами виноваты... и другихъ мучимъ... Шелъ одинъ разъ здѣсь попъ крестить въ Ушково и какъ увидѣлъ эту переправу—говоритъ: „Нѣтъ, не пойду дальше, тутъ можно провалиться“. Сталъ ушковскій мужикъ упрашивать батюшку—„окрести, пожалоста, ребенка, плохо здоровъ, бываетъ, помретъ“. Послушался батюшка мужика, взялъ въ обѣ руки по палкѣ и пошелъ. Сначала шелъ ничего, потомъ бревна зашатались и батюшка оборвался.

— Нѣтъ, говоритъ, дальше не пойду...

Сталъ опять мужикъ упрашивать, уговаривать батюшку, что не провалится сквозь землю...

Послушался батюшка мужика, но уже не пошелъ, а всталъ на четверинки и поползъ. Ползъ, ползъ по гладкому, слизкому бревну и опять оборвался. Не вытерпѣлъ батюшка и закричалъ:

— Что вы, погубить меня хотите—что-ли?

Опять мужикъ сталъ батюшку уговаривать, упрашивать, подалъ батюшкѣ одинъ конецъ веревки, а самъ взялъ другой и пошелъ впереди. Идетъ мужикъ по бревнамъ, а батюшка сзади на привязи ползетъ на четверинкахъ и приговариваетъ:

— Помоги Господи... Не торопись, Иванъ, не торопись!

Перешли хорошо!..

Ушково *).—куча неважныхъ избъ, грязь, камни. Министерское училище. Порядочно старовѣровъ. Ушковцы народъ мастеровой—плотничаютъ то въ Сорокѣ, то въ Кеми, то по мѣстнымъ деревнямъ.

— Земля не кормитъ—ежели бы не бревянная вывозка, не заработки въ Сорокѣ и на Мурманѣ, плохо бы жили.

— Развѣ хорошо живете?

— Да не хуже другихъ...

— Почему постройка въ деревнѣ неважная?

— Нѣкогда намъ строиться, за наживой больше гонимся.

Мигомъ проѣзжаемъ въ карбасѣ 4 версты до острова Муезеро подъ напоромъ веселъ двухъ рослыхъ, здоровыхъ дѣвушекъ.

Островъ Муезеро не угрюмый.—Два жите„я, поля, покосы.

Церковь находится на возвышенности среди березовой рощи. Островъ въ этомъ мѣстѣ узкій—кругомъ просвѣчиваетъ вода. Недурной видъ имѣетъ мѣстность осенью, но въ маѣ, въ Троицынъ день, когда здѣсь бываетъ праздникъ, когда небо нарядится въ лучшую одежду, когда яркое золотистое солнце ласкаетъ безъ конца, когда земля, березки позеленѣютъ, а вода подъ ослѣпительными лучами солнца засеребрится, заискрится, не вышелъ бы съ Муезера, все сидѣлъ бы подъ его сѣдыми, кудрявыми березами и любовался бы прозрачнымъ, далекимъ небомъ, божественнымъ, чудодѣйственнымъ солнцемъ, окружающею зеленью, сквозь которую просвѣчиваетъ блестящая гладь озера...

Мы подъ навѣсомъ крыльца Никольскаго храма.

Одна изъ дѣвушекъ открываетъ первую дверь, я разсматриваю 4 колокола—всѣ маленькіе, всѣ старые, одинъ съ нерусскою подписью, съ разбитымъ краемъ.

Въ „Историческомъ описаніи приходовъ Архангельской губерніи“ значится, что Никольскій Муезерскій храмъ построенъ на средства Соловецкой обители въ 1573 году, но вокругъ шатра церкви по низу имѣется слѣдующая надпись: „Поставленъ бысть храмъ сей во имя свя-

*) Отъ Маслозера до Ушкова на пути 3 небольшихъ деревушки. Ближняя варака, Новая деревня и Христонь варака.

— Пойдемъ.

Я былъ одѣтъ по—лѣтнему и, не надѣясь на постоянство осенней погоды, рѣшилъ сходить домой переодѣться.

— Вы подождете меня?

— Подождемъ...

Ровно черезъ сорокъ минутъ я вернулся, но старухъ уже не было... Ушли, обманули—въ глубинѣ души появилось чувство досады...

А—у! закричалъ я.

Никто не откликался.

Я сѣлъ на старое мѣсто и усиліемъ воли заставилъ мысль работать въ прежнемъ направленіи.

Перепечатано изъ №№: 1, 6, 8, 10, 11 и 12 „Извѣстій А. О. И. Р. С.“ 1915 г.
Дозволено цензурой. Военный цензоръ въ г. Архангельскѣ В. А. Всеволожскій.

Архангельскъ. Губернская Типографія.

БИБЛІОТЕКА
Транспорта „Таймыръ"
Отд. III № 54.

М.2 Б
3 90-К